

СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ДЕТЕКТИВ

ГЕОРГИЙ ПЕРСИКОВ

ДЕДЮ.О

Сумрак богов

САМОЕ ВРЕМЯ ЧИТАТЬ РЕТРО!

Георгий Персиков
Дело о Сумерках богов
Серия «Старый добрый детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11283372
Персиков, Георгий. Дело о Сумерках богов : [роман]: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-092505-6

Аннотация

Обычный провинциальный городок Старокузнецк жил тихо-спокойно, пока однажды не случилось ЧП – среди бела дня был похищен сын его сиятельства князя Соколовского. Скандал на всю губернию! Неужто революционная зараза развернула свои демонические крылья не только в столице? Или это дело рук заграничных «шпиенов»? А может быть, побег, замаскированный под похищение? Полиция теряется в догадках и обращается за помощью к местному доктору – прирожденному сыщику и авантюристу Георгию Родину.

Логика и блестящий ум Родина всегда помогали ему распутывать самые сложные загадки, вот и на этот раз, потянув за ниточку расследования, доктор выходит на след международной банды, держащей в страхе всю Польшу и приграничные территории. Георгий под видом отдыхающего отправляется в Царство Польское, а преступники тем временем наносят новый удар...

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	23
Глава пятая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Георгий Персиков

Дело о Сумерках богов

*Весло ли галеры среди мрака и льдин,
иль винт рассекает море, —
у Волн, у Времени голос один:
«Горе слабейшему, горе!»*
Строки приписывают Редьярду Киплингу

Издательство благодарит литературного агента Ирину Горюнову за содействие в приобретении прав.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Г. Персиков, 2015

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2015

Часть первая

Глава первая

Вряд ли предки буров (голландцы, французские гугеноты, немцы и датчане, которые почти три века назад сбежали с насиженных мест в далекую и не слишком гостеприимную Африку от притеснений и бедности или, наоборот, искать приключения и лучшую жизнь, наполненную солнцем) могли подумать, что их потомки вместо земли обетованной получат концентрационные лагеря английских завоевателей. Но люди, как известно предполагают, а Бог располагает..

В XVII веке Великобритания уже присоединила богатые индийские земли к своей короне. Но так как морской путь шел через Африку, англичанам был необходим опорный пункт на Черном континенте. Делалось это просто испокон века: принадлежавшая голландцам Капская колония была захвачена и оккупирована, введен государственный английский язык, стала собираться дань. К неграм, по словам помощника российского военного агента в Трансваале капитана фон Зигерн-Корна, белые поселенцы относились спокойно, справедливо и даже добродушно, но в одиночку, без помощи черных слуг такую неплодородную землю не обрабатываешь. Поэтому, когда по приказу Британии в захваченных землях было отменено рабство, многие буры разорились. Им пришлось бросать свои фермы и бежать от англичан вглубь Африки, за реку Вааль. Там буры создали два государства: Южно-Африканскую республику, более известную как Трансвааль, и Оранжевую республику. И все было хорошо, пока в середине XIX века в долине реки Оранжевая мальчишка-пастух не нашел алмаз в двадцать один карат, а через двадцать лет в Трансваале не обнаружили богатейшие в мире золотоносные месторождения. Охочие до чужих ценностей англичане сразу приняли решение – аннексировать богатые районы Южной Африки.

И теперь небольшой по численности народ фермеров (ведь «буры» с нидерландского переводятся как «крестьяне») вынужден был отбиваться от английских захватчиков. Сотни тысяч англичан высадились на африканский берег, и храбрым бурам ничего не оставалось делать, как развязать партизанскую войну. Но британские каратели заключали сочувствовавшее партизанам мирное население в концлагеря, угоняли скот, жгли фермы и использовали тактику выжженной земли.

Разумеется, многие в Старом Свете вовсе не одобряли жестокого кровопролития на далеком континенте и с радостью отправлялись оказывать помощь угнетаемому народу. В России все поддерживали маленькие, но несломленные республики. Была даже сложена народная песня:

Трансвааль, Трансвааль, страна моя!
Бур старый говорит:
За кривду Бог накажет вас,
За правду наградит.

Тысячи людей с горячим и чистым сердцем отправились в Африку на помощь храбрым партизанам. Одним из добровольцев был и русский врач Георгий Родин. За недолгое время, что он провел под флагом Красного Креста на выжженных палящим солнцем землях Трансвааля, он снискал славу не только талантливого лекаря, но и честного, храброго молодого человека недюжинной силы и филигранного бойцовского дара. Как буры, так и англичане с придыханием говорили о том, как «русский медведь» одним ударом «s kosacha» (это сла-

вянское слово произносилось с разными акцентами, но непременно с уважением) одолел прославленного боксера-нокаутера Генри Джойса, сломав ему руку и выведя таким образом толкового офицера из строя на несколько недель.

Впрочем, Родину этот поединок принес не только звуки медных труб, но и любовь бурской красавицы Дианы ван Дрейк. Отважная девушка, признанная одним из лучших и опаснейших снайперов-коммандос, попала в госпиталь на попечение эскулапа после неудачной военной операции. А получила не только излечение от ран, но и защиту от неминуемого трибунала. Сам Георгий тоже не смог устоять перед чарами Дианы. Молодые люди на поле брани обрели хрупкое счастье, приправленное адреналином и удивительной свободой взглядов, какая появляется, когда костлявая каждый день дышит в затылок, а то и в лицо.

Их свидания сложно было назвать банальными, ведь как только Диана встала на ноги и покинула больничную койку, она тут же взяла в руки старенькую однозарядную винтовку Пибоди-Мартини. Стрельба доставляла девушке истинное удовольствие. К этому хобби она пристрастилась и возлюбленного. Разумеется, о том, чтобы отстреливать захватчиков речи не шло: Георгий был врачом и на Черном континенте выполнял миссию сугубо гуманитарную. Но о тренировке на мелких птичках и тарелках в клятве Гиппократовича ничего не говорилось.

А поучиться у буров было чему! Даже воины прославленной Британской империи, над которой, как известно, солнце никогда не заходит, вынуждены были признать, что «невежественные, тупые, упрямые, нетерпимые, нечистоплотные белые дикари» (так отзывался о бурах Марк Твен), живущие на отшибе мира, намного превосходили представителей туманного Альбиона в тактике ведения скрытого боя. Обладающие деревенской смекалкой и бесстрашные трансваальцы использовали камуфляж, умело маскировались на местности и великолепно стреляли. Есть такая маленькая хитрая птичка бекас, которая летает быстро и по зигзагообразной траектории. Попастись в такую – задача непростая, под силу только «бекаснику», то есть снайперу. Ну а бурам, которые с младых ногтей учились не маршировать строем, а выходили на охоту со слобойкой, это было раз плюнуть. У англичан даже появилось правило, написанное кровью: «От одной спички троим не прикуривать». Пока первый солдат прикуривал папиросу – противник в укрытии обнаруживал свет, прикуривал второй – противник брал упреждение, ну а третий вместе с огоньком получал и летальную дозу свинца.

Георгий был преданным и внимательным учеником, так что через пару месяцев горячих и страстных уроков он легко подстреливал мелких птичек из винтовки и даже револьвера. А традиционное упражнение – подстрелить живого голубя, которого выбрасывали в воздух из специального садка, – он игнорировал: жалко было глупых птичек. А вот охота – это мастерство людей достойных. Впрочем, его следовало развивать и дальше, как и любое умение в этой жизни.

Однажды молодому врачу даже удалось продемонстрировать свое мастерство перед британскими военными. В ту пору близ лагеря Международного комитета Красного Креста с инспекцией находился Фредерик Рассел Бёрнхем. Знаменитый американский писатель-исследователь, прародитель снайперского и скаутского движения, еще двухлетним малышом видевший, как индейские племена сиу сожгли его город, в этом конфликте был на стороне британцев. Уверенный, что Дикий Запад уже покорен, а мужчина без приключений – не мужчина, он перебрался в Африку.

Майор краем глаза увидел, как Родин навскидку расстреливал крохотные глиняные шарики, которые запускал в воздух из особой машины маленький чернокожий мальчик, служивший при госпитале посыльным.

– Скажите мне, мистер Один, – Бёрнхем слегка грассировал, проглатывая «р», отчего вполне русская фамилия становилась похожа на имя древнего скандинавского бога, – неужто в Российской империи даже гражданские так метки?

– Стрельба по швыркам у нас и в самом деле есть в каждом городе... – уклончиво отозвался Родин. Он не хотел рассказывать о Диане, чтобы не навлечь на нее дополнительную опасность.

– Да, но там стреляют по «глиняным голубям» – тарелочкам! Или по трехдюймовым шарам с восемнадцати ярдов!

Глава разведчиков британских войск протер глаза и укусил себя за пшеничный ус. Русский доктор разбивал полуторадюймовые шарики, как минимум, с сорока ярдов!

– Учусь по обстановке, – без улыбки ответил эскулап. Хотя он восхищался храбростью Бёрнхема и был наслышан о его меткости, любезничать с врагом было глупо.

– Да, обстановочка не из легких, – майор поднял на собеседника свои пронзительные серо-голубые глаза. – Но оно, может, и к лучшему. Эта война нас многому научит. И в первую очередь тому, что тот, кто стреляет и отходит, живет, чтобы стрелять и на следующий день. Вот мои бойцы, шотландцы из хайлендерского полка, «разведчики Ловата»... наверное, слышали?

Родин кивнул. Как раз кто-то из разведчиков Ловата и ранил его Диану.

– Так вот, они, по сути, наполовину волки, наполовину зайцы: четко знают, когда искушать судьбу, атакая, а когда и удрать не грех.

С этими словами Бёрнхем самодовольно усмехнулся. Георгий вздохнул. Почему каждый раз, когда какая-нибудь нация обретает могущество, вместо того чтобы делать мир лучше, помогать соседям, нести умное, доброе, вечное, норовит всех вокруг подмять под себя, забрать у противников лучшее, чтобы потом обрушить на них новые знания и всю мощь...

Все-таки как же замечательно, что у России нет колоний, да и все наши земли мы взяли не только огнем и мечом, но и верой и правдой, и нет у нас на окраинах междуусобиц и ненависти к великоросам, и не приходится ему, человеку образованному, краснеть за родную землю перед цивилизованным миром.

Впрочем, англичане тоже особо краснеть не собирались: они просто брали чужое по праву сильного, да еще и насмехались над побежденными.

Через пару дней некое снисхождение к британцам, которое бывает у человека, осознающего свое моральное превосходство над другими, у Родина уступило место настоящей неприязни. Горделивый, но не злобный американец Бёрнхем уехал, а вместо него прискакал отставной адмирал, лорд шотландского парламента Эдвард Гленерван. Старый вояка, теоретик военного мастерства, последователь Лао-Цзы и Клаузевица, один из основоположников моднейшей в те годы енгеники, прибыл на огневые рубежи учить славный хайлендерский полк новой, «бурской» тактике...

Отношения между лордом и Родиным не сложились. Высокомерный британец всех вокруг себя считал чем-то вроде грязи, прилипшей к его блестящему имперскому сапогу. Правда, англичан, как и положено горцу, он тоже ненавидел, но чуть меньше, чем все прочее население земли.

В первый же день, на ужине командования, куда были приглашены и представители Международного Красного Креста, лорд Гленерван произнес долгий и пространный тост о превосходстве одних людей над остальными. Он говорил с такой непоколебимой уверенностью и с таким мастерским красноречием, что в комнате не нашлось никого, кто смог бы ему возразить. Этот тост Георгий слушал с плохо скрываемым раздражением, но все же из уважения к «хозяину дома» помалкивал. Но после того, как лорд подкрепил свои слова модными стихами про бремя белого человека и тупую толпу то дьяволов, то детей, русский не выдержал и поднялся из-за стола.

– Сэр, вы процитировали отрывок из произведения вашего великого поэта Редьярда Киплинга. Талантливого, и много более одаренного, и, не побоюсь этого слова, мудрого, чем

все, кто сидит за этим столом. Но почему же вы не продолжите? Ведь бремя белого человека – это не трон, а труд! Не думаю, что Киплинг подразумевал тактику выжженной земли, когда творил свои стихи. Лечить, учить, строить, воспитывать недоразвитые племена, любить, а не уничтожать!

– Мистер... э-э-э, – адмирал злобно глянул на доктора, – а кто вы вообще такой?! Может, вам недостаточно знаний великого английского языка, чтобы уразуметь всю мощь этого текста? Я слышу у вас чудовищный акцент... В любом случае, вы просто не осознаете, как важна миссия Британской империи, владычицы морей, королевы мира!

Лорд так распалился, что начал подкреплять свою речь жестами, отчего вино из поднятого им бокала стало брызгать на соседней кровавым дождем. Дело непременно дошло бы и до дуэли, но на помощь Гленервану пришел командир гарнизона, который уже потерял своего младшего офицера от его столкновения с русским доктором, мастером бокса и меткой стрельбы, и вовсе не собирался отправлять в лазарет целого адмирала, хоть и в отставке.

Впрочем, конфликт хоть и был погашен, вовсе не был исчерпан.

Прошла неделя, во время которой неподалеку от лагеря Красного Креста шли ожесточенные бои. Раненые поступали с обеих сторон, но Родин принципиально брал под свою опеку только буров. Да, это было неправильно, но английские врачи на совесть лечили исключительно своих, а буров подобным отношением скорее добивали.

Возмущенный таким разделением не в пользу британцев, Гленерван решил вразумить эскулапа, талантливейшего которого в лазарете не было. Но из любого правила есть исключения, решил лорд и схватил Георгия за рукав халата крепкими как сталь руками, когда тот, обесилев, выходил с очередной операции.

– Мистер Родин, вот вы где!

«Надо же, – мелькнуло в усталом мозгу врача, – фамилию мою выучил... Что же этому индюку от меня нужно?»

Георгий насупился, он не имел ни малейшего желания помогать высокомерному лорду. А тот, будто не замечая реакции собеседника, продолжил:

– Надо бы нам поговорить, познакомиться. Мне кажется, мы друг друга неправильно поняли на том злополучном ужине...

– Возможно, – дипломатично отозвался Георгий. Он уже прекрасно понимал, что ничего хорошего эта беседа им обоим не принесет.

– Вы, как человек образованный, должны понимать, – начал вкрадчиво Гленерван, – что люди по природе своей не равны. Вы же не будете отрицать, что не готовы встать на одну ступеньку с каким-нибудь дикарем, пусть и белым, родившимся в хлеву, прожившим в этом же хлеву всю жизнь и в нем же и умершим! Вы учились, много трудились, а он...

Лорд с отвращением плюнул на землю, как безродный пропойца из Ист-Энда, но тут же опомнился и вернулся к аристократической обходительности.

– И не мне вам рассказывать, что мы, люди более... способные, должны нести в темный мир просвещение, должны делать человека лучше! Вы знакомы с трудами Фрэнсиса Гальтона? Честно признаться, я и сам ученый, приложил руку к паре его трактатов, научно-популярных, так сказать, – он улыбнулся, щегольски подкрутив свой седой ус, и подмигнул Родину.

Впрочем, Георгий его игривого настроения не разделил. С трудами упомянутого профессора он познакомился еще в университете, когда изучал теорию Чарльза Дарвина о происхождении видов. Статья Гальтона, двоюродного брата исследователя, попала на глаза случайно, и юный студент решил прочесть и ее. Сэр Фрэнсис, англичанин из прославленной семьи ученых и литераторов, имеющий различные награды за свои изыскания, представил миру новую теорию человеческой селекции или, как он сам ее красиво назвал, «евгеники». Суть ее можно описать одной фразой: как получить идеального человека. Весь научный мир

сразу же раскололся на два лагеря: одни предлагали просто избавлять общество от «некачественного» человеческого материала. Однако большинство, и к ним примыкал Гленерван, варварских методов не разделяли, выступая за евгенику позитивную, ставя себе задачей улучшение породы за счет скрещивания людей, имеющих полезные качества. Говоря ненаучным языком, сильные, умные и красивые должны жить в счастье и довольствии, рожать детей от подобных себе, всячески развиваться, а все остальные... Бог им в помощь, главное, чтобы обеспечивали избранных всеми благами.

Благородный, казалось бы, порыв ученого избавить мир от наследственных болезней, психических и физических уродств и всех несчастий, который из этого вытекал, быстро начал мутировать. И вот уже сам Гальтон начал утверждать, что из одних людей «сверхчеловеки» получатся намного быстрее, чем из других. Более того, он начал пропагандировать евгенику как часть национальной идеи, что-то вроде новой религии, которая (в его мозгу, разумеется) утверждала британцев как истинных господ мира на основании «лучшей наследственности». На вершине пирамиды подданных Британской империи, естественно, стояли шотландцы, а среди них были, конечно, аристократы. Бурам места в этой картине не было вообще: ведь на их земле нашли золото и алмазы!

– Знаете, Гленерван, – позволил себе фамильярность Родин, который вдруг вспомнил локоны Дианы и моментально вышел из себя, отчего и заговорил в несвойственной ему манере пропагандиста, – может, в Британии и привыкли делить людей по происхождению или «по породе», но на моей родине одного подданного государя от другого отличают качества, умения, сила мысли. Мы ценим людей за то, какими они выросли и какую пользу принесли обществу. Но если вы не понимаете этого, то в моей, – это слово он произнес с нажимом, – стране вы были бы не на верхушке этой вашей иерархической лестницы, а у самого ее подножья!

Разумеется, Георгий кривил душой, и среди русских было достаточно дураков, которые цеплялись за происхождение или купленные титулы, выпрашивали себе лучшие документы, грабили и жгли, воровали и насиловали, но никто и помыслить не мог о том, чтобы превозносить это как благодетель или кичиться подобными взглядами.

После слов Родин лорд покраснел пуще вареного рака, казалось, еще немного, и он засвистит и у него повалит дым из ушей. Британская сдержанность улетучилась, уступив место ярости горца.

– Вы! Вы нанесли оскорбление первой степени!¹ Мне лично и представителю виднейшей в империи фамилии! Я мог бы вас убить на месте, и все бы меня оправдали, но я не трус! Более того, я докажу вам, что англичане намного превосходят остальных по праву рождения! Я вызываю вас! И никаких пистолетов... О да, я слышал, что вы спутались с местной дикаркой и она обучила вас грязным приемчикам. Но нас рассудит честный бой. Мы будем драться... на рапирах... Я надеюсь, вы обучены фехтованию? Или это искусство аристократов не далось простому тоцїк? – добавил он с ехидцей.

– Я немного фехтую, – лаконично парировал Георгий, а затем развернулся на каблуках и отправился обратно в медицинскую палатку: его время, запланированное на перекур, занял вздорный британец, а больные дольше ждать не могли.

– Я хочу чтобы мои соотечественники присутствовали на этом поединке! – кричал лорд вслед врачу. – Тогда вы или ваши дружки не нанесете мне удар в спину!

– Приводите хоть всех, – ответил Георгий, хлопывая за собой дверь.

¹ Согласно Дуэльному кодексу, это оскорбление словом, направленное, главным образом, против самолюбия оскорбленного и не затрагивающее доброго имени и репутации. Например, таковыми являются оскорбительные или язвительные выражения, затрагивающие малозначительные черты личности, внешний вид, манеру одеваться, незнакомство с каким-либо предметом.

Хорошим тоном считалось не превращать дуэль в поединок на арене Колизея, но лорд решил проучить вздорного русского на виду у сотен англичан, чтобы поднять их боевой дух.

* * *

Тем же вечером Георгий встретился с Дианой. Свидание проходило за пределами лагеря Красного Креста, в укреплении буров.

– О, мой храбрый Жоржи! – пропела девушка, прижимаясь к Родину на узкой жесткой койке, устланной свежескошенным сеном. – Расскажи мне, что тебя печалит! Ты... отстранен! Ты словно не со мной! И глаза твои стали холодными, как твоя далекая снежная Россия, в которую ты обязательно уедешь и не возьмешь меня с собой! Может, ты вспоминаешь о своей далекой возлюбленной, прекрасной русской скромнице с косой до пояса?

Георгий провел рукой по лицу Дианы, убирая прочь темные пряди густых длинных волос. Он не хотел ее беспокоить, на долю этой юной красавицы и так выпало слишком много потрясений. Но как же ей тогда сказать, что завтра в полдень он может быть убит? Смерти он не страшился, да и пожил уже немало, перевалило за второй десяток, нормальный возраст для храброго мужчины. Жаль, что смерть эта могла быть унижительной и на землю могли упасть не только сам Родин, но и русская честь, которой он дорожил куда больше жизни.

– Друг мой, голубка моя, – наконец ласково проговорил Георгий, – как же я рад, что судьба подарила мне тебя, пусть и при столь печальных обстоятельствах. И как же я могу быть отстранен, когда я здесь и весь твой? Печалит меня, но только самую малость, что из-за одного самодура завтра мне придется участвовать в турнире...

– В каком турнире? – Глаза Дианы мгновенно загорелись хищным огнем.

– О, пустяки, я буду драться на рапирах с одним... плохим человеком. – Родин тактично опустил ругательство, которое пришло ему на ум.

– Ах, – девушка закрыла рот ладонью, чтобы оттуда не вырвалось стоны, – это ужасно! Скажи мне, счастье мое, ты ведь лучший воин во всей далекой снежной России?! Ты ведь без труда одолеешь кого угодно?!

– Ну, – протянул Георгий, – фехтовать я порядочно, ходил в университете на тренировки. Да и дед кое-чему учил – палочный бой, сабля, шашка... Не пугайся, родная, это все мужские забавы...

– Я непременно приду на тебя посмотреть! Прокрадусь, спрячусь, что угодно сделаю, но посмотрю, как ты проучишь своего врага!

С этими словами девушка впиалась страстным поцелуем в губы возлюбленного.

Еще утром Георгий был не на шутку взволнован из-за Дианы: как он ни отговаривал гордую представительницу племени буров не рисковать, как ни осыпал ее поцелуями, умоляя не попадаться на глаза солдатам, он знал, что упрямец все равно сделает по-своему. Однако к полудню стало ясно, что в лагере готовы даже к тому, что вся вражеская армия ввалится прямо на центральный плац перед флагштоком с красным крестом: так все ждали будущий поединок. Каким-то образом о дуэли узнали даже пленные и раненые. Последние, кстати, поминутно хватили своего лекаря за рукав, желая удачи. Кое-кто даже делал ставки: буры были на стороне Георгия, а вот англичане поддерживали лорда, даже если в душе разделяли взгляды русского доктора.

Плац местом дуэли назначил сам Гленерван, видимо, чтобы как можно больше зевак увидели его молниеносную и блистательную победу. Впрочем, Родин так легко сдаваться не собирался. Более того, он решил немного подыграть шотландцу: нарядился в простые штаны, сапоги и косоворотку, которая непонятно каким образом попала в его небольшой багаж (видно, на удачу положила няня – Клавдия Васильевна) и все это время, очевидно,

поджидала своего часа. Гленерван же, напротив, вырядился в парадный мундир и на африканской жаре (пусть даже и в раннее утро) смотрелся даже более карикатурно, чем Георгий.

Сажень в пяти от плаца растянули бечевку, ограничивающую напор зрителей. Буры и англичане расположились друг против друга, как болельщики на спортивных состязаниях. Более того, некоторые даже дружелюбно приветствовали друг друга – знамя Красного Креста словно оставило все противоречия за воротами лагеря. Странно, но это зрелище на некоторое время несколько примирило соперников.

Начали по Дуэльному кодексу. Распорядитель-немец предложил дуэлянтам помириться, оба вежливо отказались. Секунданты сравнили рапиры и предложили их соперникам. Те выбрали оружие и разошлись по разным концам дорожки. Затем, поклонившись, поприветствовали друг друга, опустив рапиры, и по лихому свистку секунданта начали бой.

Георгий сперва собирался рвануть в схватку как разъяренный бык, но, решив, что его противник этого и ждет, стал двигаться вперед короткими шажками, убрав левую руку за спину.

Первый выпад был за лордом: он нанес удар снизу в кисть. Этот удар многие сочли бы запрещенным, но Родин был знаком не только со спортивным, но и реальным боем, он ловко отбил клинок и контратаковал противника в грудь. Батман² был сильным, но лорд парировал удар и нанес укол в бедро Родина.

Гленерван фехтовал умело, но, как и предвидел Георгий, грязно, его выпады все как один были с финтами, в руки или ноги. Наверное, без свидетелей он не побрезговал бы и подножку подставить. Родин защищался попроще, без изысков, полагаясь скорее на тактику и скорость, чем на мастерство. Он быстро смекнул, что слабость лорда вовсе не в том, как тот отражает удары, а в том, что Гленерван просто-напросто недооценивает противника и из-за этого допускает глупые, почти ученические ошибки.

Раз! И рапира Георгия с закрытым острием задела рукав Гленервана. Еще выпад – и металл свистнул над самым ухом лорда. Ловкий маневр (не ожидал вояка от врача-здоровяка такой прыти), отступление и... оружие было выбито из рук Родина. Зрители ахнули. Неужели победа за высокомерным англичанишкой?! Но каким-то инстинктивным, почти невидимым движением Родин поймал оружие на лету левой рукой и в мгновение ока перешел в атаку на сбитого с толку оппонента. Несколько удачных приемов – откуда-то из простецкого боя на палках, а не утонченного фехтования. Финальный выпад и... кончик рапиры Георгия уткнулся в кроваво-красный мундир.

– Сдавайтесь! – звонким голосом сказал Родин.

– Черт вас побери, – проскрипел зубами лорд. – Сдаюсь, вы победили. Мы умеем побеждать, умеем и проигрывать! – и он в ярости швырнул свою рапиру на землю, развернулся на каблуках и пошел прочь.

Английские солдаты «на трибунах» замерли в молчании, даже медлительные буры растерялись, лишь один звонкий голос первым восславил победу «русского медведя». Сладкий голос голландской мадонны Дианы ван Дрейк:

– Жоржи! Жоржи!

Вдруг чья-то рука ласково потрепала его по плечу:

– Енюша! Енюша! Опять ты кричишь во сне! Просыпайся!

² В фехтовании удар по клинку противника.

Глава вторая

*Май 19** г.*

г. Старокузнецк

Старокузнецк располагался в Среднем Поволжье, примерно в тысяче верст от Москвы. Название городу дали кузнецы – люди работающие, любящие огонь и железо, сабли и пушки. Именно они и основали этот населенный пункт лет триста назад посреди мордовских лесов, чтобы устроить прочный заслон от набегов кочевников – кубанцев и ногайцев. Со временем небольшой острог вырос до губернского центра с семидесятитысячным населением, чуть меньше чем Пенза, Саратов или Рязань.

Еще в XVIII столетии Старокузнецк занимался в основном торговлей хлебом и винокурением. Земля тут была плодородная, жирные черноземы, что впору на булку намазывать, неурожаи бывали редко. Сам город и губерния получили высочайше утвержденный герб – в зеленом поле скрещенные алебарда с молотом на фоне пшеничного снопа, – «означающий знатное земледелие здешней земли, трудолюбие местных жителей и отвагу людей служилых».

Всем известно, что истинное благосостояние города определяется не количеством увеселительных заведений или питейных мест, а, напротив, гимназиями, храмами и больницами. Так вот, в конце XIX века в Старокузнецке действовали губернский университет, триста с лишним церковно-приходских и воскресных школ, пятьдесят народных (вместе с женскими) училищ, губернская гимназия, реальное училище, духовная семинария, а также медицинское училище и всероссийски известное училище садоводства. Был городской театр, в котором служили целых три труппы с разными репертуарами, и десять частных театров, губернаторский симфонический оркестр (лучший в Поволжье), старейший цирк, принадлежащий русским антрепренерам Головановым, и, конечно, великолепный краеведческий музей при университете.

Любой житель Старокузнецка мог получить медицинскую помощь в великолепной, недавно выстроенной губернской земской больнице на двести коек с родильно-гинекологическим, инфекционным, глазным, амбулаторным и психиатрическим отделениями. При ней работали аптека, фельдшерские курсы и школа повитух. Главным врачом служил доктор медицины Андрей Юсупов. Штат тоже внушал уважение даже у столичных эскулапов: десять врачей, двенадцать фельдшеров, пятнадцать сестер милосердия и пять акушерок.

Надо заметить, что принимали больных и десятки частных городских и земских врачей. Одним из самых востребованных был Георгий Родин, которого неоднократно приглашали служить в губернскую больницу, тем более что Андрей Юсупов был его однокашником и приятелем по медицинскому институту. Более того, лица обоих украшали шрамы от рапир друг друга со времен славных студенческих дуэлей.

– Ты ж куда талантливей меня, Георгий! Ну что ты киснешь в своей частной практике, ты же врач от Бога! Жалованье у нас, конечно, не больно высокое, но тебе аптека, что от батюшки досталась, доход приносит! А ты у себя возишься со старыми девами да с ревматиками... А тебе впору ставить диагнозы, оперировать...

– Ответственность слишком высока, – отвечал Родин. – Мой свободолюбивый характер не позволяет брать ее на себя. Например, мне захочется сорваться и уехать туда, куда зовет вольный дух искателя приключений!

– Ох, Георгий... ну ты хоть не откажешь старому другу, если я попрошу тебя по-товарищески? – Юсупов поскреб затылок совсем уж по-крестьянски.

– Конечно, не откажу, если эта просьба не противоречит моим убеждениям.

– Никоим образом. Просто, коли уж меня назначили главным врачом нашей главной больницы, мне будет нужна твоя помощь... Ты же талантливее меня... Я, может, поднаторел в этих бюрократических кунштюках, но чутья у меня нет... И вряд ли будет...

Родин подошел к товарищу и крепко пожал ему руку.

– Конечно, Андрюша! Для меня будет величайшая честь нести добро в этот мир. Давай договоримся так. Каждый вторник я буду приходить в твою больницу, да-да, теперь она твоя, и даже не спорь... и буду работать бесплатно, только ради удовольствия и клятвы Гиппократов. И ежели вдруг привезут тебе сложного пациента, то можешь рассчитывать на меня в любое время дня и ночи!

* * *

По коридору больницы шел быстрым шагом молодой крепыш плотного сложения, одетый в просторный сюртук табачного цвета с бархатными боками, жилет из кремового манчестера и серые клетчатые брюки, тоже широкие и просторные. Лицо у него было красивое, гладко выбритое, обрамленное небольшими бачками и непослушным русым вихром надо лбом. Выглядел врач лет на двадцать пять, может, чуть больше. Его желто-зеленые глаза были цепкими, даже хищными. Это были глаза человека, видевшего опасность и даже саму смерть, но не боявшегося ее.

– Сердечно рад видеть, Георгий Иванович, – отдал Родину честь двумя пальцами Андрей Юсупов. – Прими привет от старого шпака.

Они крепко пожали друг другу руки и пошли, размахивая полами белых халатов, как ангелы – крыльями, притягивая простодушные улыбки и радостные приветствия пациентов. Всех – как выздоравливающих, совершающих моцион по светлому больничному коридору, так и лежачих, с макушки до пят перебинтованных и загипсованных, – радовали эти сильные, здоровые, энергичные молодые мужчины. По совести говоря, большая часть этих улыбок была адресована Родину – его открытое лицо, пружинистая походка, пронзительный взгляд много видавшего и все понимающего человека мгновенно располагали к нему кого угодно, будь то знатный гражданин с королевской подагрой или застиранный мужик, получивший удар в брюхо вилами.

Хотя более всего женщины не обделяли вниманием молодого, красивого доктора с глазами, в которых плескалось что-то жесткое и даже опасное, но вместе с тем весьма притягательное...

Одна из таких птиц (увы, это была не прелестная сойка или горлица, а скорее сорока, если не сказать ворона), угодивших в клетку родинского обаяния, собиралась завтра явиться к нему домой на прием. Хотя мысль об этом никаких телесных, а тем более душевных шевелений у Георгия не вызывала. Старая дева Елизавета Николаевна Сечина-Ледянская, мнящая себя любвеобильной поэтессой, давно обхаживала самого завидного старокузнецкого холостяка, но методы выбирала чересчур дерзкие и тем только отпугивала. Впрочем, до визита экзальтированной прелестницы было еще далеко, а покамест можно и по юсуповским пациентам пройтись, быть может, повезет на интересное дело.

– Тут третьего дня бабу к нам доставили с прелюбопытнейшими симптомами. Может, ты сумеешь понять, что ее терзает? – осторожно начал Юсупов.

Глаза у Родина засверкали.

– На что жалуется?

– На «палящие» боли в кишках, которые подозрительно быстро уходят после злоупотребления штофом водки...

– Неужто! – ответил Родин, уже догадываясь, от чего коллеге придется лечить «сложную» пациентку.

– Не веришь? Расспроси ее сам! – Юсупов с должным пафосом распахнул перед входящим врачом дверь палаты и указал на койку возле окна. Там громоздилась куча цветастой ветоши, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся дородной бабой, из тех, что могла и коня и дом, как водится в русских глубинках. Пациентка поднялась на локте и взглянула на своих спасителей с болью во взгляде и при этом с какой-то странной стыдливостью.

– Ну-с, что тут у нас, голубушка? – ласково спросил Родин.

– Ох, мой бог, болит мой бок! – в рифму, как бывалая былинница, отвечала баба. – Лет пять уже как. Кишки закручивает, будто сам черт раскаленной кочергой шурудит. Так болит, что невсутерпеть. Одно винцо помогает, пью его, родимое, пью, кишки-то и укладываются по местам...

– Лет пять?! Что ж вы раньше-то не приходили, душа моя?

– Так раньше-то ненадобно было, пила и пила себе. А теперича выпилась из ума, старая – после шкалика на блуд тянет, мочи нет. Была мужнина жена, а стала развратница, каких свет не видывал. Хлопну рюмашку и ну по кабакам бегать, юбки задрал. Сты-ы-ы-ыдно, – забасила баба и уткнулась сизой физиономией в подушку. – Уж и муж сперва учил уму-разуму, а потом рукой махнул!

– Что вы, душенька, рано убиваться. Расскажите мне прежде, как у вас с аппетитом дело обстоит?

– Ой, милоч, хорошо обстоит! Что вижу, то и кушаю. Картофельную похлебку да пирог с репой, потом ватрушку, еще кулиш и локшину с салом, гречневые лепешки... И это все на завтрак, а на обед...

– Погодите с обедом. Упадок сил ощущаете?

– Ищо как! Упадок и есть. Сколько ни съем, а потом все одно сяду и сижусь, сижусь, сижусь...

– А живете-то где, матушка? На Хопре аль на Суре?

– На Пензятке, родимый, – баба почесала нос, напоминающий спелый баклажан. – До Хопра-то нам далече.

– А муж-то рыбалит?

– Как не рыбалить, батюшка. У нас на селе все рыбалят, и мужики, и ребяташки малые, и бабы. Я и сама грешным делом...

Тут Родин подмигнул Юсупову, и они вышли в коридор, оставив растерянную бабу ждать вердикта.

– Прошу любить и жаловать, коллега, – это солитер! – торжественно провозгласил Родин. – Лентец какой-нибудь, скорее всего. Местный народ выловленную на Пензятке рыбу не привык высушивать до ржавчины, солит ее скромно, таким манером, чтобы оставалась мягкая и жирная. Получается чрезвычайно вкусно, но потом у некоторых кишки шевелятся и «палящие» боли обнаруживаются. Эти лентецы до двадцати аршин могут достигать. Когда бодрствуют – борются со своим носителем за каждый кусочек пищи, отсюда и жор, и упадок сил: сколько ни ешь, а тебе ничего не достается. А если солитера водкой окропить, то он, разморенный и сытый, засыпает. Боль и уходит...

– Георгий, ты говоришь, что такое часто происходит... Тогда позволь спросить, почему же у нас совсем не бывает пациентов с гельминтами?

– Потому что простой народ привык со своими невзгодами по-простому и справляться. Некоторые крестьяне пытаются солитеров на блюдечко молока выманить, но это порочная и малоэффективная практика. Тебе же пациентка попала ответственная, к телу своему относится с уважением и хочет лечиться по науке. Дальше, полагаю, ты сам справишься. Благо для изгнания гельминтов современная медицина придумала множество действенных средств, начиная с пасты из тыквенных семечек и заканчивая чесночной настойкой натошак. Есть еще сложные случаи на сегодня?

– Пожалуй, что и нет, – задумчиво промолвил Юсупов.

– Оно и хорошо, пусть люди меньше болеют.

– Может, и хорошо, но предчувствия у меня прямо противоположные, беспокойно как-то... Думается мне, это лишь затишье перед бурей. Вон и сыщик Торопков приходил, твой старый друг, жаловался на головные боли. Говорит, загрузили его работой так, что ни на что больше времени не остается. Только болеть головой да сердцем.

– А у меня, друг мой, голова кругом идет от Елизаветы Сечиной-Ледянской. Поэтесса оказалась столь терпелива и упорна, что решила подключить тяжелую артиллерию. Заявила, что явится завтра ко мне на прием по причине болезни, неизвестной еще медицинской науке. Скорее всего вымышленной.

– И какая тебе охота с ней связываться? С такими женщинами не сладишь, у них семь пятниц на неделе и восьмая тоже пятница, – хохотнул Юсупов, направляясь в сторону своего кабинета. – Сегодня она – богиня поэзии, а завтра – капризная девочка с бантиками. Впрочем, ты у нас муж благородный. Найдешь, чем даму утешить. Ну, ступай. И спасибо за солитера! Может, придешь еще ко мне под крыло?

Родин ухмыльнулся, покачав головой, проворно сбежал по ступенькам и запрыгнул в коляску. По дороге долго думал про мадам Ледянскую. Голос с хрипотцой, низкий и приятный, а сама какая-то вся угловатая, нескладная. Одевается в черное, что только подчеркивает ее изможденную худобу, а выдающую возраст шею прячет под затейливым разноцветным боа.

«Что же ее может беспокоить? Снова депрессия, если только она всерьез заболела, а не просто внимание привлекает, – думал он, поймав себя на мысли, что ему почему-то стало ее немного жаль. – Судя по резким сменам настроения и густой вуали, под которой без труда угадываются красные от слез глаза, дело может быть в кокаиновой зависимости или мигренях. Впрочем, одно другого не исключает. Как непросто, должно быть, ходить в старых девах: душа еще цветет, как яблонька по весне, а тело уже огорчает первыми признаками старения...»

Родин еще посокрушался немного по слегка навязчивой и, по-видимому, очень несчастной Елизавете и принял решение оказать ей самый теплый прием, задействовав все свои душевные и профессиональные ресурсы.

Глава третья

Раннее утреннее солнце заглядывало в высокие окна докторского дома. Родин, усевшись за свой стол и изучая список дел на день, допивал ароматный кофе. Сегодня к нему записалась на прием Ледянская – причем время ей было назначено непривычно раннее. Родин хмыкнул.

Елизавета Николаевна Ледянская была известной в Старокузнецке персоной. Уже не юная, зато с возрастом не просто узнавшая, а сама назначившая себе цену дама была местной поэтессой. Модные веяния доходили и до глухой провинции, поэтому Ледянская была в курсе всех последних тенденций и ваяла свой образ и стихи в соответствии с ними.

Последние несколько лет, после долгого увлечения темой тяжелой крестьянской жизни, закрепощенности простых женщин и освобождения простого народа от гнета тяжелой работы, поэтесса из демократки суфражистского толка эволюционировала в романтическую даму с примесью модного декаданса.

Теперь она вздыхала по рыцарским романам, одевалась в подчеркивающие ее в чем-то даже болезненную худобу платья, рассуждала о трагической судьбе женщины, склонной к тонким чувствам, страдала о несовершенстве, подлости и низости окружающего мира, а также интриговала весь город стихами о некой запретной и тайной любви.

Родин, исходя из общей картины, подозревал у нее алкогольную зависимость. Но внешность Елизаветы Николаевны была, стоило признать, более чем эффектной. Высокая, тонкая, с большими драматическими серыми глазами и длинными каштановыми волосами, уложенными на греческий манер, она умела показать себя. Особенно хорошо она владела актерским искусством и, выступая в салонах со своими стихами, неизменно вызывала взволнованные чувства у мужчин и зависть у женщин. Немудрено, что такая персона была одной из любимых героинь слухов Старокузнецка.

Ледянской было назначено на десять часов. Родин взглянул на часы, вздохнул и перешел в рабочий кабинет.

С опозданием на двадцать минут (приходить вовремя женщине, к тому же поэтессе, считалось и вовсе зазорным) Елизавета Николаевна появилась у дверей его кабинета.

– Доброе утро! – поздоровался Родин, поклонившись. Ледянская, по новой моде коротко кивнув, ответила:

– Чудесное утро! В нем есть тонкость начала жизни дня и печаль его увядания. Правда, в последнее время я слишком рано встаю. Знаете, не могу уснуть, страдаю от бессонницы...

Родин предложил гостье присесть и отведать кофе. Ледянская согласилась. Георгий позвонил и попросил горничную принести кофейник, воды и каких-нибудь сладостей полегче. Судя по настроению поэтессы, она была расположена к долгому разговору, вероятно, с падениями в обморок и другими красивыми жестами, потому было бы лучше ее сперва немного накормить.

– Ну что же, Елизавета Николаевна, как ваши дела? Что вас беспокоит? Рассказывайте все, не бойтесь, ведь я же врач, – улыбнулся Родин.

Ледянская кокетливо взглянула на него исподлобья, повернулась вполборота и, периодически посматривая на врача в особенно важных моментах, начала рассказ:

– Знаете, Родин, в последнее время я себя чувствую совершенно кошмарно. Нет, правда, я даже не помню, когда мне было бы хуже! Я страдаю бессонницей. Каждую ночь не могу заснуть, весь вечер в голову лезут разные мысли... – она бросила взгляд на доктора. – Потом, едва заснув, тут же просыпаюсь от мигреней. Господи, какие страшные мигрени! Мне кажется, что моя голова просто разваливается на сотни маленьких кусочков, каждый из которых болит и тоже раскалывается! – поэтесса заломила руки в жесте, показывающем

эту картину. – И до обеда я страдаю, а затем еще полдня мучаюсь оттого, что хочется спать и совсем не хочется жить! Невозможно!..

– Так-так... – пробормотал Родин. – А когда это началось?

– Несколько месяцев назад. Я не могла уснуть две ночи подряд и два дня мучилась головной болью. И, как назло, я выезжала... неважно куда, – добавила она, явно рассчитывая заинтриговать, но Георгий не отреагировал, продолжая делать неразборчивые пометки в блокноте. – Я пошла к первому попавшемуся аптекарю, я уже не знала, что делать, я готова была хоть из окна бросаться, лишь бы не болела голова. Он мне дал унцию кокаина, и мне немного помогло. Потом вроде бы все прекратилось, порошок помогал, но мигрени все равно возвращались. Сейчас без кокаина я вообще не могу существовать на этом свете. Это такая беда!.. Я не могу ни писать, ни читать, ничего!.. Помогите мне, доктор!

Ледянская несколько увлеклась и схватила Родина за руку. Тот нежно, но уверенно ее отнял.

– Успокойтесь, Елизавета Николаевна, все будет хорошо. Так, я уже немного понимаю вашу ситуацию. Выпейте воды, – он протянул ей стакан, – отсчитайте пятнадцать глубоких вдохов. Расслабьтесь, посмотрите в окно.

Ледянская в точности выполнила указания доктора.

– Теперь дайте мне вашу руку.

Родин измерил пульс. Он был вполне умеренным.

– Ну, Елизавета Николаевна, у меня есть некоторые подозрения. Как часто вы употребляете кокаин?

– Практически постоянно. Иначе моя голова не дает мне даже подумать.

– Понятно. Я сейчас скажу пугающую вещь, но вам нужно будет отказаться от кокаина.

– Как же так?.. – Ледянская сверкнула глазами на Родина.

– Мне кажется, у вас могла развиться зависимость от лекарства. Я вам сейчас выпишу рецепт – есть отличные заменяющие средства. И режим. Придется вам недельки две соблюдать строгий режим дня. Никакой жирной пищи и алкоголя, минимум сладкого, а еще свежий воздух и никаких волнений.

Ледянская вздохнула, изображая покорность.

– Но как же это все выдержать, доктор? У меня столько волнений, столько эмоций, столько проблем, которые не дают расслабиться!

– Придется на время отложить их. Ничего не поделаешь, иначе от мигреней, бессонницы и кокаиновой зависимости избавиться не получится. – Родин заговорил с поэтессой, как с маленьким ребенком. – Ваш режим – залог вашего здоровья.

– А, понимаю. Ах, но столько волнений, столько...

– Ну же, чем меньше вы о них думаете, тем лучше.

– Хорошо, – торжественно кивнула Ледянская.

Пока Родин дописывал рецепт, Елизавета Николаевна резко сменила тему:

– Ну, раз уж нельзя о моих переживаниях, давайте поговорим о чем-нибудь еще. Георгий, я совсем не знаю, чем вы живете! До меня доходили какие-то удивительные слухи о ваших загадочных находках...

– Иногда приходится, – коротко отреагировал Родин. – Ничего выдающегося тем не менее.

– Так не бывает. – Первый раз за утро дама улыбнулась, хитро и кокетливо поглядывая на Родина. – Мне рассказывали, сейчас вы занимаетесь какой-то страшно интересной восточной загадкой. Какие-то клады, ключи, приключения. Это все так захватывающе!

– Угу, – неопределенно хмыкнул Родин.

– Расскажите, ну прошу вас! – Елизавета Николаевна протянула руки к врачу. – Меня сейчас так интересуется тема Востока! Я начала новую книгу стихов о Турции, о Крыме... Но

из-за этих болей совсем в голову ничего не идет. Может, вы сможете меня вдохновить или подать какую-то идею? Расскажите, я вас очень прошу!

Неожиданное оживление Ледянской удивило и немного расстроило Родина. Было заметно, что дама не собирается так просто его отпустить, и планы на утро несколько менялись. К тому же меньше всего Родину хотелось говорить о непонятных историях и восточных сказках, с которыми он так внезапно связался.

– Что ж вам такое рассказать? – улыбнулся он, протягивая листик с рецептом. – Вот, следуйте неукоснительно, – шутливо-серьезно добавил он.

– Непременно, – ответила Елизавета Николаевна таким же тоном. – Так что же там с загадками? Вдохновите меня, Георгий! – она снова взглянула на него с таким выражением, что Родин чуть не вздрогнул. – Я клянусь, что моя книга будет посвящена вам и вашим приключениям!

– С чего начать... Собственно, ничего особенного не происходит. Мне рассказали пре-забавную легенду, подтверждение которой я хотел бы найти. Думаю, она вам понравится, – улыбнулся врач. – Жило где-то в крымских степях некое безымянное племя кочевников. Они славились среди соседних племен своей непобедимостью. Говорили, их хранит сам шайтан – по-нашему, Сатана. И однажды это непобедимое племя завоевал крымский, скажем так, главарь другого племени, Ахмет-бей. И выяснилось, что племя было непобедимо потому, что у него была бесценная волшебная штука – «Зеркало шайтана».

– Как интересно! – воскликнула Ледянская, пододвинувшись ближе.

– Оно было, по легенде, создано самим шайтаном. Говорят, что когда человек в него смотрится, то видит все свои грехи и умирает от ужаса, и в древности им пользовались в боях, чтобы косить целые армии. Но именно тогда за Ахмет-беем гонялся наш казацкий атаман Червень, хотел отбить своих пленных и отомстить басурманину за грабежи и разбои. Почему-то турок в бою зеркалом не воспользовался, может, не успел узнать его. Тем не менее он сумел сбежать вместе с «Зеркалом шайтана» и замуровался в своей сокровищнице в крымских скалах. Как ни пытались казаки, но открыть эту сокровищницу не смогли. Огромная дверь закрывалась ключом, который остался где-то у визиря, и не поддавалась никаким возможным и доступным способам взлома. Казаки атамана Червеня отметили место этой сокровищницы на карте. Позднее и ключ, и карта попали к следующим охотникам за сокровищами, но они тоже не смогли открыть дверь: она была защищена каким-то непонятным секретом, о котором никто не знал.

Родин замолчал.

– Какая удивительная история! – Елизавета Николаевна весь рассказ не отрывала от Родин глаза. – А что же дальше? Как вы об этом узнали?

– А как давно вы были в нашем музее? – хитро улыбнувшись, спросил Георгий.

– Не помню... Профессор Смородинов, руководитель музея, признаться, немного меня раздражал... Хотя я помню этот скандал, когда он откопал какую-то фигурку, а потом ее украли... но к чему это вы?

– Золотой ключ в виде статуэтки витязя, найденный Смородиновым и украшающий зал восточных древностей, как поговаривают, именно от этой сокровищницы!

Ледянская восторженно ахнула.

– И такое чудо – вот тут, у нас, в глухой провинции?

– Говорят, что да. Ну а моя скромная миссия – проверить, откуда взялся наш ключ и что еще интересного вокруг этой истории можно найти, – внезапно поставил точку Георгий.

– Погодите! Ведь именно тогда вы помогли полиции с расследованием дела об убийстве нашего миллионера Стрыльникова! И говорят, к нему приложила руку иностранная разведка! Британская!

– Разное болтают люди, – уклонился от ответа Родин.

– Но ведь вы вместе с представителями полиции отправились в Крым?
– Да, было что-то подобное.
– Послушайте, это так интересно и вдохновляюще!.. – Елизавета Николаевна собралась было что-то продолжить, как в дверь громко постучали.
– Прошу прощения.
Родин подошел к двери и крикнул:
– Кто там, Дуняша?!
– Гаврила Михайлович Торопков к вам, – оповестила та.
Родин вернулся к обиженно нахмурившейся Елизавете Николаевне.
– Прошу прощения, вынужден вас покинуть, – отрапортовал он. – У меня неотложные дела, и времени на светские разговоры, увы, не остается. С вашими мигренями мы все выяснили, не правда ли? – Родин улыбнулся, пытаясь ободрить помрачневшую даму.
– Да, надеюсь, – сверкнула глазами она. – Что ж, спасибо за удивительный рассказ! Жаль, я так и не узнала, чем все кончилось, но тем лучше! Ведь вы непременно мне все расскажете! Даже не знаю, как теперь удержаться от волнений! – Ледянская подошла к Георгию совсем близко.
– Вы должны, – аккуратно отодвинулся он, поцеловал на прощание руку и аккуратно вывел даму из кабинета.

* * *

Торопков лежал на кушетке и стонал. В последнее время, особенно после навалившихся дел, Гаврила Михайлович страдал невыносимыми мигренями. Этот недуг стал проявляться в нем особо остро после дела о «Зеркале шайтана». Ведь он, давно не юнец, ползал, стрелял, падал и переживал. После этого приключения у него стало болеть сердце. Доктор Родин винил в этом износившиеся за годы полицейской службы сосуды и рекомендовал бокал вина либо бальзама перед сном.

Благодарная строго запрещала сыщику спиртное, но лекарство запретить не могла. Торопков был человеком хитрым и изобретательным, озорной нрав, любопытство и холерическая конституция характера его хоть и помогали в работе, но составляли ему дурную славу в провинциальном городке. Слишком часто интриги и скандалы следовали за ним по пятам, а полномочия старшего полицейского надзирателя сыскного отделения города придавали его визитам ощущение официальной неотвратимости. И все же Георгию импонировал Гаврила Михайлович, с его ворохом слухов, криминальных новостей, поразительных и загадочных историй. К тому же сыщик предоставлял неплохой поток трупов³ для проведения следственных экспертиз. Когда тебе изо дня в день приходится врачевать сыпи, подагры и бессонницы, вовсе не так уж плохо разминать руки со скальпелем и ланцетом, перебирая по частям очередного убиенного бедолагу и практикуя новомодную в России следственную анатомию.

Родин накрыл Торопкову лицо мокрой салфеткой и велел полежать тихо и смиренно – более шутки ради, чем для лечения. И в то же время велел Дуняше принести бутылочку польского бальзама и пару рюмок и сварить кофе покрепче. Сыщик ворочался и благозвучно стонал, под салфеткой шевелились его пышные усы. Услышав про лечебный бальзам, он замер. А через секунду, повернув голову, выглянул из-под салфетки лукавым левым глазом и заговорщически спросил:

– Георгий, душа моя, могу ли я быть с вами откровенным?

³ *Cadaver* – труп (лат.).

– Попробуйте, – врач ласково улыбнулся. Все-таки хитрый сыщик казался Родину весьма симпатичным.

– Это катастрофа, сущее бедствие... – Торопков взял еще одну драматическую паузу.

– Ну, что опять стряслось? – Родин решил не выказывать сыщику столь желанного ему любопытства.

– В городе паника, в жандармерии бардак, из Саратова выехала делегация Тайной полиции. Из Петербурга идут гневные телеграммы, поговаривают, что губернатора разжалуют. Это сущая катастрофа.

– Опять эсеры шалят? – попробовал угадать Родин, изображая скуку.

– Ах, если бы эсеры, если бы бомбы. Пиф-паф-бабах – и дело с концом. Ну, проворонили, отчитались – и дело с концом. Взяли мерзавцев – так медаль на грудь и статья в газете на разворот, красота, а не работа. Впрочем, нас она все равно не касается, пусть у Радевича голова болит. А тут – у-уй... – Торопков спрятался под салфетку, театрально изображая приступ мигрени.

– Так что все-таки стряслось? – не стерпел Родин.

– Похитили сына их сиятельства князя Святослава Соколовского. Прямо у нас на Пензенской улице.

Торопков приподнялся на кушетке, сняв наконец салфетку с лица. В дверях, оторопев, стояла Дуныша с бальзамом и кофе. Сыщик облизнул усищи. Георгий подумал, что через пять минут о происшествии узнают все горничные околотка, а через час и весь Старокузнецк. Телеграф и газеты не могли конкурировать с сарафанным радио, во главе которого была его Дуня. А уже через пару дней вся губерния будет гудеть о том, что сына их сиятельства убили заграничные «шпиены», отравили по приказу бомбистов или, что и вовсе крамольно, «заживо черти в пекло утащили, ибо их тятенька диаволу душу продали».

Но Гаврила Михайлович вовсе не был так раздосадован. Может, благодаря бальзаму, а может, старый плут и сам хотел распустить слушок. Надо признать, Торопков владел и традиционными методами сыскальной работы, имел обширную сеть агентов, знал поименно городскую босоту, но зачем-то иногда мутил воду, распространяя слухи и небывлицы, и как он потом ориентировался в народном творчестве, возникающем на этой почве, не понимал даже Родин.

Дуня быстро опомнилась, как могла, сделала вид, что ничего не услышала и поставила на низенький столик у кушетки поднос. Родин предложил Торопкову рюмочку бальзама, которую тот, немного пококетничав для приличия, с удовольствием выпил, крикнул и запил кофе. После легкого медикаментозного лечения они расположились поудобнее, смакуя терапевтический эффект наливки.

– И после разговора с губернатором полицмейстер вызывает меня в кабинет, – продолжил рассказ Торопков. – И, как я понял, чтобы слышало это, значит, все управление, говорит: «Достаньте мне его хоть из-под земли. Вы лучший сыщик губернии. Если не найдете, отправлю вас на каторгу, чего бы мне это ни стоило». В общем, вел себя как фараон египетский, прошу прощения за жаргон.

– Ничего плохого про господина начальника губернского полицейского управления сказать не могу, да и хорошего, наверное, не буду, – подтвердил, чуть осоловев, Родин. Все же с утра шестидесятиградусный бальзам пить было рановато.

– А затем врывается, значит, в кабинет исправник и тоже орет, что сюда едет охранка из самой Самары и что сам Столыпин по личному приказу их величества назначил следить за делом секретную службу. Вот я и разболелся от переживаний.

Детали служебной грызни были в этом деле наименее интересны Георгию.

– Так что с сыном их сиятельства? Кто выкрал и при каких обстоятельствах? Чего хотят за его возвращение?

– В том-то и дело, что неизвестно, кто и зачем. Князь с сыном были в нашем городке проездом и остановились на ночлег. Так Соколовский-младший просто исчез, а слугу, через комнату которого надо было пройти, злоумышленники усыпили эфиром. И никаких зацепок, ничего, пусто.

Родин задумчиво постучал ногтем по кофейной чашечке, перебирая варианты.

– А есть ли у его сиятельства враги?

– Да бог с вами, Георгий, какие могут быть враги у благороднейшего человека? Разве что другие князья да графья. Но полиция тут бессильна, – ответил, глазом не моргнув от очевидного вранья, Торопков.

И тут Родин кое-что припомнил. Их сиятельство отличились в подавлении третьего польского мятежа, еще в юность свою, будучи не более чем полковником. Святослав Воинович хоть и не обзавелся столь красочными прозвищами, как генерал-губернатор Муравьев, но в студенческие годы Родин не раз слышал от поляков прозвище Соколовского, которое можно было бы перевести как Палачовский. Неужто готовится новый польский мятеж? Столица давно была охвачена смутным пожаром террора. Иудеи, социалисты и анархисты творили бесчинства на юге. Рвались бомбы, покушались на жандармов и прокуроров в Киеве. После памфлета некоего Михновского, нелепо требовавшего образования какого-то государства на земле Малороссийской, был расстрелян министр Сипягин. Неужели революционная зараза развернула свои демонические крылья и на западе империи?

Родин поделился своими подозрениями, и Торопков подтвердил: поляки и вправду бузят. Некий Пилсудский совсем недавно создал революционную партию «Валка», а на беду ее поддерживают польские магнаты и богатые вельможные паны.

– Возможно, чтобы припугнуть князя, поляки и похитили сына, но выкупа покамест не требуют, – согласился Торопков и картинно заохал, схватившись за сердце. – Ой, не к добру это все, ой, помяните мое слово... Ох, сердце мое бедное...

Родин, покопавшись в своем шкафчике, нашел успокоительные капли и отмерил лекарство для Торопкова:

– Вот, выпейте. Вы знаете, мне кажется, это слишком старомодно – похищать кого-то, чтобы свести счеты. Его бы давно уже убили и успокоились. Слишком романтически выглядит вся эта история, вам не кажется?

Торопков глотнул капли, скривился и кивнул.

– Вы знаете, я бы даже посмел предположить, что тут может быть дело в самом сыне князя. Возраст юный, самое время для подобных глупостей. Это вполне мог быть побег, замаскированный под такое похищение. Классический сюжет.

Сыщик хихикнул:

– Да, и вправду, может быть, дело молодое. Ну и известно, что с отцом он был не в ладах, князь для того и взял сына в деловой вояж, чтобы хоть как-то наладить с ним отношения. Вот и наладил. Кстати говоря, о молодежи, я слышал, что у вас с Полиной Савостьяновой свадьба скоро намечается?

– Да не так и скоро, – вздохнул Родин. – У Полиньки брат во флоте служит, на Камчатке. Они недавно испытывали новые заряды, мелинитовые... ну, только вы понимаете, что все это страшная тайна... – Родин сделал большие глаза, – и произошел несчастный случай. Там в щепки разлетелось полкорабля. У Максима два ранения было, контузия, страшное дело. Его через Индию перебазировали домой, а там он ввязался в портовую драку, и его еще ранили. Так что теперь ему дорога в лечебницу. Вся семья Савостьяновых собралась ехать в Польшу на воды, там идеальная вода для его болезни, да и мне предлагают присоединиться, Поля очень упрасивает. Говорит, семейная гостиница их знакомых, будет время наконец спокойно пообщаться, отвлекусь от своих дел. А то я последние месяцы все бегаю да бегаю по делам. А потом уже, когда все подлечатся, свадьба.

Торопков понимающе кивнул.

– Контузия – это да... Пока не отлежишься – не очухаешься. Меня как-то тоже в одном деле взрывом приглушило... когда я служил у Белого генерала⁴. То еще, я вам доложу, удовольствие. Потом недели три отходил, а правое ухо стало слышать только через месяц.

– Вот-вот, – кивнул Георгий. – Да и мне надо бы прийти в форму, а то растолстел, умучился. Хотя мне не очень хочется ехать, когда такие дела вокруг творятся. Я тут нужнее. Да и скучно там...

– Да вы что, Георгий, поезжайте, конечно! Польша – дивный край. Да и отдохнете.

Родин поморщился.

– Вы же знаете все это «водное общество». Я там на второй день озверею от разговоров о шляпках и борзых.

– Ну, никто ж вас не заставляет это слушать. Отдохнете себе тихо, с Полиной, сами с собой. К тому же, раз вам так на месте не сидится... – Торопков хитро пошевелил усами.

Родин вопросительно на него посмотрел.

– Ну, Польша, поляки... – пояснил тот. – Вдруг вы оттуда сможете выйти на след недоброжелателей их сиятельства? А я могу вам письмами помогать, рекомендации дам на всякий случай.

Торопков явно намеревался открыть счет на нового польского агента и хорошенько с него поживиться.

Родин задумался.

– И вправду. Но давайте перенесем этот разговор на несколько дней, я еще все обдумаю и сообщу вам. А насчет лечения – заходите к Юсупову, он поставит вам пиявок к затылку, очень помогает.

⁴ Так называли генерала Скобелева.

Глава четвертая

А между тем отдых от дел земных никак не подразумевал отдых от дел сердечных. Георгий тяжело вздохнул и устроился в кресле у окна. В столь поздний час на улице, освещенной лишь газовыми фонарями, уже никого не было. Только какой-то паренек шел пружинистой походкой, поминутно рассеянно поднимая глаза к небу.

«Со свидания», – догадался Родин и тяжело вздохнул.

Нет, он не любил книжных историй об испепеляющей любви и подвигах во имя прекрасной дамы. Не видел себя в роли героя-любовника, соблазняющего самых примерных скромниц. Да и выматывающей, выжигающей страсти наелся в юности с Катериной досыта. Ему не хотелось бдений у балкона возлюбленной, да и от экзальтированных истеричных дамочек он подустал. Но жаждал Георгий такой простой и понятной человеческой любви: чтобы один взгляд – и на всю жизнь.

Еще давным-давно, в совсем прошлой жизни, дед Григорий Евдокимович подозвал к себе двенадцатилетнего Енюшу и сказал по-гоголевски, чувствительно хлопнув внука по плечу тяжелой ладонью:

– А повертись-ка, младшенький... Дай-ка я на тебя подивлюсь...

Мальчик повернулся вокруг своей оси мелкими шажками и снова замер, глядя в желто-зеленые глаза деда.

– Черт тебя разберет, Енька, – проскрипел старик, опираясь на свою неизменную клюку, – вроде и наш, родинский, а как присмотришься, что-то и зозулинское есть, что-то щекинское, шут тебя дери. Что ты квелый такой? Браты твои молодцы, родинское племя, а ты вроде и да, а вроде и нет. Нешто ты в отца пошел, а не в меня? Что ты возле него трешься?

– Батюшка такой печальный и одинокий после смерти матушки... – отвечал Енюша, потупя взор, – а вина в этом моя... Вот я и хочу поддержать его...

– Не мели ерунды! – крикнул дед. – Нет в том твоей вины! Защищайся!

Он бросил внуку крепкую палку, стоявшую у стены, и бросился на него со своей клюкой. Удары посыпались сверху, снизу, с плеча, тычком, с разворота... Мальчик ловко парировал, лишь отступая под штормовым натиском.

– В отмах бей! Не отступай! Бей! – рычал дед, не прекращая бить быстро, почти без замаха.

Внук изловчился, углядел брешь в этой мельнице ударов и, извернувшись змеей, попытался огреть противника по голове. Правда, это ему не удалось, старик ловко перехватил палку, вырвал ее у внука и отшвырнул в сторону, приставив свою клюку к горлу мальчика. Тому ничего не оставалось, как поднять руки.

– Нешта, – ухмыльнулся старик, – все ж таки Пётра тебя маленько научил на палках драться. Не зря, стало быть. Так вот, чего я хотел-то. Мне тут сказывали, ты с младшей поповной уже шуры-муры наострился крутить?

Георгий покраснел до корней волос, а дед захохотал.

– Нешта, правильно! Так и надо! Вот это по-нашему, по-родински, тут ты их всех переплюнул! Я вижу, у тебя будет горячая жизнь!

Мальчик улыбнулся, а предок продолжал:

– Стар я стал. Хоть одно доброе дело сделаю для тебя, потом будешь всю жизнь благодарить.

Он распахнул рубаху и протянул с груди, покрытой седой шерстью, потертый крест на кожаном гайтане.

– Клянись, что не женишься до тридцати лет. То моя предсмертная воля. Ты в меня тут пошел, от баб отбою не будет. Только не прыгай к первой, выжди, сравни.

- А как же... А ежели...
- Ежели даст Господь знак, то женись. А нет – и думать не моги.
- А что ж за знак, дедушка? – спросил Георгий, поднося губы к кресту.
- Мимо не пройдешь, – ответил дед.

Прошло время, и Георгий не один раз сказал деду спасибо. Каждый раз, когда он принимал решение жениться, думая, что вечная любовь – это и есть Божий знак, какая-нибудь небольшая деталь, будто подарок от деда, вдруг раскрывала его избранниц с такой черной стороны, что рассыпался доселе счастливый союз, и Родин думал: какой же я молодец, что не женился.

Последний случай был как раз с Катей Компанейцевой. Брюнетка уже переехала к нему, стала осваиваться, отвоевывать какие-то маленькие уголки, потихоньку переставлять мебель, как Георгий слишком, по ее мнению, откровенно заговорил с Полинькой Савостьяновой, дочерью его профессора. Разразилась буря, в стену летели сахарницы и чашки, и в очередной раз Георгий подумал: вот он, знак Божий. Не надо пока жениться.

А ведь была любовь, страсть, обветренные от поцелуев губы и расцарапанные в кровь спины, и слезы, и боль в сердце от счастья, и ежедневный ужас от того, что все закончится... И вот – такой пустячок и все вдребезги. И хорошо, хорошо, что вовремя углядел, а то была бы его семейная жизнь наполнена тьмой и скрежетом зубов. А все равно было грустно, когда Катя с блеском в глазах рассказывала про Ивана Гусева и про «Зеркало шайтана», которое вдруг тоже стало донельзя важным и нужным. Ведь она такая красивая...

– Уже не твоя, – снова зазвучал в голове голос деда. – Забудь. А лучшее лекарство от душевных томлений – это следовать старому закону: клин клином вышибают. Вон – Полинька только тебя и ждет.

Да и не просто ждет! Шутка ли – замуж ее позвал. Позвал-позвал!

Георгий посмотрел на свое отражение в оконном стекле (вот что значит, хозяйство ведется с любовью, и не женой, а нянюшкой – ни единого пятнышка, отполировано, будто хрусталь на званом обеде), призывая самого себя к ответу. Однако в размытом темном образе не увидел ничего необычного. Полинька ведь не первый год на него глазами Моны Лизы смотрит: барышня давно на выданье – шутка ли, двадцатый год пошел, а она все в девках! И ведь сколько ее уже Георгий знает? Он начал загибать пальцы: значит, когда учился в университете и к профессору Савостьянову на лекции ходил, она уже показывалась где-то на периферии, девчонка еще совсем, угловатая, с глупыми косичками... А потом, уже когда вернулся со своих южноафриканских кампаний героем, встретил расцветшую молоденькую девушку – личико премилое, тонкая и звонкая, будто ивушка...

Как там у Пушкина? «Пришла пора, она влюбилась...» Да, грешен, поспособствовал! А какому ж мужчине не будет приятен восхищенный взгляд юной особы?! Вот и проводил с ней времени больше, чем положено. Катерина хоть и сама по себе ревнивица и строптивница, да угадала правильно (теперь уж можно и сознаться): всегда Полюшке улыбался теплее, всегда с ней ласковее был, чем с обычной знакомицей. Но ради ее горящего преданного взора, ради интереса, что звездочками загорается в глазах...

От одного воспоминания о невесте Георгий распалился не на шутку. Неужто он ее все-таки любит? Все ж таки с женщинами посложнее, чем с международной разведкой или английскими бекасниками, так выходит? От пули в перестрелке можно и увернуться, завидев блеск ствола на лунном свете – насторожиться, а с дамами как быть? Речами ласковыми бдительность усыпят – ты растаял, сердце твое уже в тисках, и не выбраться!

Родин глубоко вздохнул. Как бы там ни было, он совершил очень импульсивный поступок, сделав это предложение. Можно сказать, в состоянии аффекта его совершил – после бегства Лилии да приключений с «Зеркалом шайтана». Он ведь все потерял: и возлюблен-

ную, и друга детства, и дядьку названного, и сокровища с убийцей настоящим упустил! А что получил? Ничего!

Хотя нет, Георгий легонько ударил себя ладонью по лбу. Как же он мог забыть? Перед самым отбытием из Крыма на малую родину он получил в подарок бутылочку портвейна с нового императорского завода. Врач хоть и старался не злоупотреблять, однако ж хорошее вино – оно лучше любого лекарства, особенно если в правильной дозировке. А уж не попробовать напиток, что самому императору на стол подают, и вовсе грешно, тем более о подвалах нового предприятия ходили легенды: восемь тоннелей прямо в горах с идеальным микроклиматом... Чудо!

Георгий откупорил бутылку, налил благородный темный напиток в бокал из тонкого хрустала. Вдохнул аромат: букет был превосходный, тонкий, с легким ароматом паслена. Сделал глоток и даже слегка зажмурился от удовольствия: производители свое дело знали! Вкус был полный, гармоничный и очень мужественный. Родин буквально чувствовал, как тепло крымского солнца разливается по его венам. И все тревоги стали уже не такими важными.

В конце концов, обещать – не значит жениться! Человек ведь только предполагает, а располагает Всевышний, никто не знает, как жизнь повернется. Родин ведь еще недавно думал, что судьба ему послала Лилию. Несчастную, обманутую и разочарованную в жизни девочку. Послала, чтобы он до конца жизни был ее спасителем и утешителем. Но когда эта девушка с лицом ангела сбежала, ему хоть и жаль было, да только будто камень с души свалился, когда он от нее записку прочел! Ведь если б то была суженая его, разве не ринулся бы он за ней, сметая все преграды на своем пути? Разве не разорвал бы в клочья всех, кто только посмеет подумать о том, чтобы их разделить? Быть спасителем для кого-то приятно и почетно, только это не жизнь, а вечная, каждодневная работа. А спасения людей Георгию, положила руку на сердце, хватало и в больнице.

Врач снова устроился в кресле и сделал еще один глоток. Зачем он себя мучает понапрасну? Чем демагогии разводить в ночи, не лучше ли хорошенько выспаться, а завтра с самого утра отправиться в деревню, навестить Полинушку. Глядишь, слово за слово, он для себя все и поймет.

* * *

Легкая коляска доктора катилась по проселочной дороге мимо цветущего луга. Кучер Еремей ловко правил двойкой лошадей. Жених довольно шурился от уже по-летнему яркого солнца. Природа пела: молодая зелень наливалась соком после обильных дождей, в воздухе витали ароматы трав, на ярко-лазорево-м небе не было ни единого облачка. Все тяжелые и мрачные думы будто выветрились из головы, уступив место по-юношески легким мечтам. Врач даже стал насвистывать модную мелодию и уже готов был запеть в голос, но первые деревенские избы вынырнули из-за поворота дороги. Не солидно как-то петь при местной публике.

Тем более что ехал Георгий к небольшому, но уютному зданию сельской приходской школы, недалеко от усадьбы Савостьяновых, где Полинка преподавала местным детишкам естественные науки. Время было обеденное, так что между уроками, как верно рассчитал Родин, был перерыв. Легко выскочив из коляски, Георгий уверенно прошел в одноэтажное деревянное здание. Правда, куда идти дальше, он не знал. Несколько раз обведя взглядом двери без табличек, он решил спросить у одного из сорванцов, что бегали по узенькому коридору, но особо ретивый малый врезался в городского гостя сам.

– Звините, барин, – шмыгнув носом, промямлил мальчишка и приготовился бежать дальше, но Георгий ловко схватил его за плечо, останавливая.

– Экий ты шустрый. Ну, не красней, ругать не буду. Лучше скажи мне, где учительствует Полина Витальевна?

Мальчишка буквально расплылся в улыбке, в которой не хватало пары зубов.

– Отчего ж не сказать, барин?! Там, – мальчик ткнул пальцем в крайнюю дверь. – Плина Витальевна сейчас у нас урок вести будет! Страсть как важно она читает, – мальчик уверенно пошел в сторону класса, видимо, решив стать провожатым городского господина. Глядишь, и перепадет чего. – Вроде про наши травы, ан выходит будто по-заморски, вот как!

Георгий усмехнулся: что с мальчишки взять?! Да и плохо разве, что он таким задиристым и предприимчивым растет? Если его энергию направить в верное русло, кто знает, может, новый большой коммерсант из него вырастет. Сейчас мир такой, что родине нужны люди с кипучей энергией и живым умом.

В светлой комнате, украшенной картинами с изображениями животных и различной растительности средней полосы России, было очень уютно. Совсем недавно силами местного духовенства, и в частности сурового отца Феликса (духовника Георгия), удалось собрать деньги на ремонт здания и закупить мебель. Так что длинные столы с лавками сменились настоящими партами, а у задней стены, напротив блестящей на солнце грифельной доски, выстроились шкафы с книгами, учебниками и альбомами с гербариями, которые для детишек собирали студенты профессора Савостьянова. Сами ученики в потертых, но чистеньких рубашках и сарафанах рассредоточились группками по кабинету, обсуждая свои важные детские дела. Правда, когда дверь скрипнула и Георгий вошел в класс, несколько пар любопытных глаз мгновенно впелись в него. Жадные до нового, будто зверята, школьники по внешнему виду вошедшего старались понять, будет ли им интересен этот элегантный гость.

– Барин с городу, Плину Витальевну ищет, – зычно объявил «провожатый», явно испытывая удовольствие от сознания собственной важности.

– Дурак ты, Гришка! Какой же это барин с городу, – с насмешкой сказала белокурая, серьезная не по годам девчушка, сразу видно – отличница. – Это же доктор Родин! Кто твоей тетке Марфе Васильевне ногу-то лечил, когда ее отнять уже хотели? Эх ты...

Дети, поняв, что гость не просто абы какой, а очень даже уважаемый, мгновенно собрались вокруг него и жаждали утянуть свой кусочек общения.

– Полина Витальевна пока с директором общаются, – тихо сказал рыженький мальчик, который оказался на голову ниже своих одноклассников.

Георгий удивленно поднял брови: малыш будто сошел с карикатур про черту оседлости, которые часто печатали в газетах, только вот видеть карикатуру в приходской школе странно. Правда, детей, в отличие от взрослых, вопросы национальности, видимо, не волновали.

– А вам зачем наша учительница? – набычившись, спросил крупный, но по виду совсем не злобный парень.

В нем Георгий узнал сына местного мельника Степана, такого же здорового и добродушного. С виду – разбойник, на темной дороге от него даже отпетые шугались. А в душе – добрый, такой жалостливый, что даже на кулачные бои не хаживал, все боялся, что пришибет кого ненароком.

– Да вот интересуюсь, не обижаете ли вы Полину Витальевну, сорванцы, – с доброй улыбкой заявил Георгий.

И тут же утонул в детском гомоне: малыши защебетали на разные лады, какая у них замечательная преподавательница. У каждого была своя история: кому на именины она пирог испекла, кому ленту подарила «шелковую и дорожную», кому с уроками помогла. И по всему выходило, что вовсе она не кисейная барышня, а очень даже уважаемая особа. А уж когда дошло до рассказов о ее замечательных уроках, Георгий и вовсе рот раскрыл: чтобы

крестьянские дети да такими знаниями влет щеголяли, надо было по-настоящему их заинтересовать, проявить живой ум, смекалку, глубокое знание преподавательской науки. Вот как выходит: глядел он, глядел столько лет на Полинку, да самого главного и не разглядел.

Неожиданно дверь с грохотом отворилась, да так резко, что чудом на петлях удержалась.

– Чего разорались, малышня? – страшным басом проревел рябой увалень. Он вразвалку прошел на середину комнаты, пачкая светлые натертые половицы комьями грязи с поношенных сапог. – Совсем страх потеряли, юродивые?

Громила, криво ухмыляясь губами-варениками, дал шелбан еврейчику, да такой силы, что рыжик чуть не кувыркнулся на спину. Прихвостни бугая, которые просочились в комнату не так театрально, в голос загоготали.

– Где моя Полинуска? – рыкнул здоровяк. – Жениться охота! Не хочу учиться, а хочу жениться!

Георгия кто-то испуганно подергал за рукав сюртука. Это оказался тот самый задира Гришка, который привел его в класс, правда, теперь от его прыти не осталось и следа.

– Вот, он Плину Витальну обижает, – прошептал малец. – С дружками разбойными. И нам учиться не дают.

Георгий вообще-то не собирался связываться со школьниками, но этот здоровый лоб явно засиделся за партой, да и шутки его по поводу Поли были недопустимыми, так что пора преподавать урок, который не входит в школьную программу. Дополнительное образование на вольных началах, можно сказать. Врач выпрямился во весь рост и подошел к богатырю.

– Ступай-ка, барин, пока не зашибся.

– Я доктор, – сохраняя полную невозмутимость, прервал его Родин, разве что поморщился от смрадного дыхания переростка, – так что первую помощь окажу по всем правилам.

– Ах, ты собрался драться, – загоготал увалень.

– Ну такого Кузьму я и сам возьму, – добавил его адъютант со сломанным носом. Он даже нагнулся, якобы для того, чтобы поправить штаны, но скорее всего, чтобы незаметно вынуть из кармана ножик либо свинчатку.

– Вот, понюхай, чем пахнет, – проревел громила, сунув кулак под нос Георгию.

Родин не стал долго размышлять, а быстро вскинув трость, ударил противника сначала в живот, потом по колену и, когда тот уже скрючился на полу, добавил по загревку. Все-таки школа – не место для кулачных боев: действовать нужно было быстро и четко. Перепуганный и ошалевший от такого быстрого поражения громила проскулил что-то неясное своим сообщникам. Те, хоть явно и трусили, все же ринулись в бой, надеясь одолеть количеством, да еще и с помощью стальных «аргументов». Однако действовали они хаотично, неслаженно, еще и норовили спрятаться за спинами соратников, так что Родину не составило труда быстро раскидать их по углам, нанося четкие и сильные удары тростью. Точно как учил его деда Пётра. Все молодцы валялись у стены, пара ножей улетела в другой конец класса, а Георгий даже не запыхался. Он стоял все такой же собранный, спокойный и невозмутимый, а вот ребяташки за его спиной заходились в крике, свисте и улюлюканье. Они создавали такой шум, что Родин даже подумал, что сейчас сюда сбежится вся деревня.

– А теперь послушайте меня, – обратился он к поверженным противникам, которые краснели как вареные раки, понимая, что весть об их позоре мгновенно разлетится по округе, – если я узнаю или хотя бы заподозрю, что кто-то из вас в школе бесчинствует или младших обижает, я приеду и тогда уже буду не тумачи раздавать, а беседовать по-взрослому. Хотите вести себя, как отрепье, когда вас пытаются в люди вывести, так получите по заслугам: я вам и казенный дом устрою, и прогулку по этапу. Увидите, как уголовнички живут, может, поумнеете да придете учителям ножки целовать. А теперь выметайтесь!

Родин был сам гнев. И на шалопаев, и на остальных ребят он произвел поистине демоническое впечатление. Он возвышался над ними, как скала, и буквально хлестал их словами, в которых слышался чистый металл. Его глаза, казалось, метали молнии. И если бы кто-то из местных хоть раз видел Федора Шалапина в роли Мефистофеля, то нашел бы немало сходства между ним и Родиным в момент атаки.

Впрочем, был один зритель, который оценил спектакль по достоинству. В дверях, сурово поджав губы и нахмутив тонкие красивые брови, стояла Полина Витальевна Савостьянова. Она, безусловно, больше других учителей страдала от нерадивого поведения этой шайки и в глубине души была благодарна жениху за то, что он их утихомирил. Но вот средства, которые он использовал, противоречили ее глубоко гуманистическому воззрению. Своих подопечных она всегда учила решать вопросы умом, а не грубой силой, а тут такой наглядный пример противоположного подхода к воспитанию.

– Теперь я могу начать урок? – спросила Полина, не повышая голоса.

И поверженные, и победитель, и зрители как один повернулись к дверям. Полина в своих светлых одеждах, совсем невесомая, будто прозрачная, прошла к учительскому столу. – Ну, Антип, опять со своей шайкой хулиганишь? Ладно бы со здоровыми лбами связался, но к младшим-то чего? Только самый подлый трус будет слабых задирает, так-то, получили вы по заслугам. Идите. Да уроки приготовить не забудьте.

Побитый Антипка и его прихвостни не решались даже глаза поднять на учительницу. Так и вышли, понуриив головы.

– Вот как? У нас здесь еще один хулиган?! – Если бы Полина повысила голос, эффект был бы смазан, но она произнесла эти слова спокойно и уверенно. Более того, в ее тоне появились насмешливые нотки. – И как, останетесь на наш урок?

Ребятишки затаили дыхание, шестым чувством угадав в разговоре что-то волнующее.

– Извините, Полина Витальевна, никак не могу. Но, может, проводите меня до коляски, чтобы я больше ничего не натворил?

Георгий был рад, что невеста не держит на него зла. Более того, то, как смело, спокойно, без заискивания и кокетства принимала она его помощь, просто восхищало. Как же раньше он не видел в Полине того благородства, с каким она относится ко всем и каждому, даже к тем, кто ведет себя с ней совсем неподобающе?

– Полинушка, – позволил себе вольность Родин, когда дверь кабинета затворилась за ними, – хотел вас проведать, а только расстроил.

– Полно вам, Георгий. Вы поступили как мужчина. Даже если я, как женщина, и не одобряю вашего подхода. Вы за меня вступились, как истинный рыцарь, – сказала она, потом попрощалась, улыбнувшись, и добавила: – И прошу вас, посмотрите Максима. Юленька говорит, ему стало хуже. И еще. Я вас люблю.

Георгий стоял как громом пораженный. Еще ни одна женщина не производила на него подобного впечатления ни показной скромностью, ни сладострастным очарованием, ни вульгарным напором. Его сердце екнуло, пропустило пару ударов и подлетело к горлу. Так вот она какая – настоящая любовь.

Глава пятая

В город Родин возвращался не торопясь и в самом лучшем расположении духа. Он, по-мальчишески окрыленный новым чувством, снова был хоть сию секунду готов к подвигам во имя возлюбленной. Воображение рисовало ему милейшие картины будущего счастья: вот они с Полинушкой прогуливаются по городскому палисаднику, а вот уже в светлых одеждах выбираются на пикник в погожий денек, а вот и теплый семейный ужин в уютно убранной столовой... При мыслях о еде в животе Георгия совсем не поэтично заурчало.

Он-то надеялся перекусить в деревне у Полиньки, но вышло, как вышло. Хорошо, что дома ждет заботливая Клавдия Васильевна, которая всегда что-нибудь да припасет для своего любимчика. Например, пожарские котлетки с картошечкой или говядину по-строгановски со сметанкой, а на десерт моченые яблочки или ягодное суфле, до которого Георгий был большой охотник. Доктор даже улыбнулся своим мыслям: как положено русскому, он искренне любил мир со всеми его удовольствиями, и вкусная еда занимала среди них не самое последнее место. Может, вследствие этого выглядел он далеко не худеньким, но не было в его комплекции мягкости или одутловатости. Родин был по-молодецки ловок и гибок, хорошо чувствовал каждый сантиметр своего крепкого тела. К тому же в кушаньях всегда знал меру, все-таки врач и совсем не враг своему организму.

Родин застыл на развилке, как былинный богатырь. Впору было камень устанавливать: направо пойдешь – домой попадешь (а оттуда уже, казалось, неслись манящие ароматы обеденного стола), прямо пойдешь – в губернскую земскую больницу придешь. Последняя не притягивала ничем приятным, однако Георгий два дня тому назад обещал своему другу Андрею Юсупову заглянуть, внепланово проведать пациентов. И как ни приятно было продолжить свои безмятежные мечтания, Родин решил, что дружеский долг и, разумеется, клятва Гиппократова важнее. И что самое главное, брата Полиньки, мичмана Максима Савостьянова поместили в больницу, и ему неожиданно стало хуже. Не самое лучшее знакомство с будущим шурином, когда тот лежит на судне, но, похоже, с парнем происходило что-то неладное.

Георгий едва въехал на больничный двор, а Еремей даже не успел остановить лошадей, как навстречу выбежал сам главный врач старокузнецкой больницы. Выглядел он не то напуганным, не то очень удивленным, каким Георгий видывал его еще во время совместной учебы, когда какая-нибудь медицинская загадка поражала Андрея до глубины души. Юсупов буквально подлетел к коляске Родина, чуть не силой стаскивая того на землю. Под таким натиском Георгий не удержал равновесия и неудачно приземлился на ноги, больно ушибив лодыжку. Разумеется, настроение его тут же стало хуже некуда: кому ж понравится, едва приехав на работу, получить травму, да еще и на голодный желудок?!

– Ну, рассказывай, – сурово сказал он другу и захромал, опираясь на трость, к больничному крыльцу. – Никак опять «загадочный» случай. Савостьянов?

– Зря ты смеешься, – Юсупов пропустил колкость мимо ушей, – на этот раз и правда чертовщина какая-то! С Савостьяновым все понятно – лихорадка после ранения, кровопотеря. Заживет как на собаке, ты сестер его слушай поменьше. Дрыхнет твой Максим, а тут, черт меня побери, с дамой...

– Тебе, дорогой мой друг, реже бы черт мерещился, – остановившись в дверях, Родин положил руку на плечо однокашника, – если бы ты меньше людям верил. Они ж тебе врут как один! А ты все жалеешь дураков. Не понимаешь, что они сами себе хуже делают. Ладно, показывай, что у тебя стряслось.

– Пойдем в третью палату, только не стучи ты так своей тростью проклятой! Опять к нам этот осел Бицке прикатил, ходит все, вынюхивает... То морфинистов среди персонала

искал, теперь вот растраты. Я уже замучился все скляночки с лекарствами перетряхивать да пилюли подсчитывать! Но тебе этой волокиты бумажной не понять...

Георгий кивнул: да, безусловно, преимущество частной практики в том, что ты сам себе хозяин, но надо признать, что инспектор губернского врачебного управления Анатолий Бицке и ему самому кровь знатно попортил.

Как и многие подобные ревизоры, сам инспектор талантом врача одарен не был, посему испытывал жаркую зависть к тем, кто ежедневно спасал чужие жизни. И чем успешнее был доктор, тем больше ненависти он у господина Бицке вызывал, тем сильнее была жажда опорочить или подвести под неожиданный удар талантливого врача. Ну, а дуэт прекрасного управленца Юсупова и талантливого врача Родина и вовсе был занозой в самом неудобном месте у исследователя чужих уток!

Так что Бицке, как мог, цеплялся к обоим: то санитарные нормы проверит с микроскопом, то найдет недовольного лечением пьянчужку, который за стакан спотыкача какую угодно кляuzu напишет, а то и вовсе побежит жаловаться, что, пока врачи на жалованье сидят без дела, в больнице орудует частный практик Родин, бывший палач Англо-бурской войны, который клиентов переманивает и удовлетворяет свои катовские⁵ потребности.

Ясное дело, что честным профессионалам такие мелкие козни как с гуся вода, но мерзкий осадочек, увы, оставался.

В третьей палате эскулапы нашли сухую, стройную женщину, слишком, пожалуй, туго затянутую в корсет. Также дама отличалась каким-то несуразно большим бюстом, будто тот был приделан к ней искусственно, и пожелтевшим от болезни, осунувшимся лицом. Ее тонкие, сурово сжатые губы подрагивали от приступов боли. И, несмотря на то, что сидела на кровати она прямо, будто палка, было видно, что эта поза доставляет ей невыносимые страдания.

– Вот, Юлианна Фридриховна Шаффель. В Старокузнецке проездом: возвращалась из имения сестры к мужу в Москву да в дороге захворала. Сильные боли в районе живота, спазмы, жар. Аппендицит и желудочные инфекции исключили, так как нет рвоты и... других выделений. Травм никаких не было, – отчитался Андрей, сверяясь с данными анамнеза в блокноте.

– А по женской части? – негромко осведомился Родин.

– Никак нет. Пациентка утверждает, что у сестры провела почти четыре месяца, пока муж был в отъезде, и ничто ее не беспокоило.

Андрей Юсупов немного смутился. Он хоть и был врачом первоклассным, но безродным, и перед знатными пациентами немного робел, особенно когда речь шла о таких деликатных вопросах.

– Ладно, голубчик, дай-ка мне с... – Родин заглянул в блокнот, – Юлианной Фридриховной потолковать с глазу на глаз. У меня с дамами половчее выходит.

И то была чистая правда: Георгия с трудом можно было назвать писанным красавцем с обложек модных журналов, но было в нем какое-то мужское очарование, которое не оставляло равнодушной ни одну даму.

Юсупов вышел из палаты.

– Ну, Юлианна Фридриховна, теперь мы наедине и вам не нужно скрываться. Я – врач частной практики, к казенному учреждению никакого отношения не имею, все мои записи будут похоронены в моей картотеке или, что еще лучше, уничтожены. Теперь скажите, вы ведь знаете, что с вами...

Дама с трудом покачала головой в знак отрицания, но Родин уже видел – блефует. Человеческое существо, каким бы благородным оно ни было, боль терпит с трудом. И в

⁵ *Kam* – народное название палача.

минуты физических терзаний готово выложить перед доктором всю подноготную, если в ней, конечно, нет страшного секрета, который может навредить похлеще, чем недуг.

– Юлианна Фридриховна, я с вами шуток шутить не буду. Я давал клятву лечить даже против воли и непременно ее исполню. Прямо сейчас же велю, чтобы вас насильно вели к... – Родин бил наугад, – гинекологу!

Лицо пациентки изменилось всего на миг, но этого хватило, чтобы Родин все понял. Он был не просто врачом от Бога, но и порядочным физиогномистом, а также блестящим логиком. Все встало на свои места: и раздувшаяся грудь женщины, которая, судя по тому, как на ней натягивалось платье, еще недавно такой не была, и желание скрыть причину недомогания, и отказ от «глубокого осмотра», и даже спазматический характер болей и жар... Видимо, даме сделали подпольный аборт. Согрешила мадам без мужа, а везти бастарда в столицу – не только позор, но и потеря содержания, вот и решила поправить положение. Прискорбно, но не его дело осуждать.

– Послушайте, любезная, – начал Георгий без сантиментов. Сразу видно: женщина перед ним деловая и говорить с ней надо соответствующе. – Ситуация ваша очень щекотлива, но усугублять горе я не буду. Сейчас же вас отправят в хирургию, где опытный, я повторюсь, опытный и квалифицированный хирург, а не деревенский коновал, постарается все исправить. В карте мы запишем, что вы... ну, застудились по женской части, что переросло в инфекцию. Неприятно, но бывает.

– Я много купалась в пруду, – с благодарностью и огромным облегчением произнесла больная и тут же разрыдалась. – Закалялась... Криотерапия...

Двери отделения гинекологии закрылись за командой доверенных эскулапов. Все они были в курсе, что дело особой важности, но за своего главного врача-благодетеля готовы были под пули встать.

– Даже и не знаю, как благодарить тебя, Еня! – проговорил Андрей Юсупов. – Опять ты выручил меня... Ведь если бы проклятый Бицке чего пронюхал, ох и конфуз бы вышел. Эта Шаффель – дама могущественная, всех нас под монастырь подвела бы... Да и дело подсудное.

– Да, найти б того недоумка, который этим промышляет... да руки оторвать! – Родин хрустнул костяшками пальцев. – Но на его место другие придут. Спрос рождает предложение. Я вот думаю иногда, может, и стоило бы разрешить аборты. Столько женщин, ведь неплохих по сути, пострадало от этих мясников.

– Ой, Еня, опасные речи, хоть и не без здравого зерна. Только от нас ничего не зависит. Разве в России врачей кто слушает? Все решают бумагоперекладыватели типа Бицке этого...

– Эх, да что ж мы все о неприятностях?! Давай посмотрим Максима, а потом – отобедай-ка со мной, друг любезный, лучшего спасибо и не придумать!

– А это отличная мысль: я с утра на ногах, а во рту и маковой росинки не было. Иди к своему шурину. А я сейчас загляну в кабинет, переоденусь и сразу...

Но не успел доктор закончить фразу, как двери коридора распахнулись, и из них на всех парах вылетела каталка. Пара не на шутку обеспокоенных санитаров семенила рядом, проверяя пульс больного и пытаясь на ходу измерить температуру. Стало ясно, что обед откладывается надолго.

– Сам понимаешь, долг зовет, – пожал плечами Юсупов.

– Это Максим Савостьянов, – отчитался запыхавшийся санитар, – только привезли. Упал в обморок прямо в палате!

«Из огня да в полымя», – недовольно подумал Георгий и заковылял вслед за шустрými санитарями. Увы, знакомиться с Максимом придется в операционной.

– И чего это у вас, доктор Юсупов, такой бардак в учреждении? – донесся до Родина гнусавый голос Бицке. – Ходят тут всякие без записей, шастают, как на проходном дворе. Доложить-с об этом надо. Опять этот недоучка у вас командует?

Андрей, который до этого старался наладить с мерзким врачебным инспектором дипломатические связи, только устало отмахнулся.

Ему хватало забот и без мелкого пакостника: в палате, где лежал храбрый мичман Максим Савостьянов, и правда творилось бог знает что. Во-первых, при мичмане всегда находился кто-то из членов его семьи: или отец, профессор ботаники, или одна из сестер, а то и все разом. Как ни пытались их выставить за двери, никакие увещевания не помогали, барышни тут же устраивали полные драматизма сцены со слезами и мольбами. Но, с другой стороны, помощи от них все равно было больше, чем от приставленной к Максиму медсестры Анюты, потому что (а это уже во-вторых) та вдруг вздумала влюбиться в Георгия и вела себя абсолютно неподобающе. А без Родина тоже обойтись было нельзя... И весь этот натуральный дурдом держался в каком-то подобии порядка только благодаря Юсупову.

– Ну, дорогой друг, что ты думаешь? – спросил Андрей, отведя Родина в сторону. – Что-то он как-то сдал за пару часов... – с этими словами главврач закатил глаза, изображая покойника. – Только что по палате ходил, шутил, спать лег и тут – на тебе...

Да, у Родина и Юсупова настала жаркая пора. Бравый моряк хоть и хорохорился, шутил с сестрами и отцом и вообще всячески подбадривал всех вокруг, сейчас выглядел совсем плохо. Температура начала расти, так что сбивать ее удавалось лишь незначительно, голову стали разрывать боли, от которых Максим то и дело срывался на стон, пока никто не слышал, хуже прочего были боли в мышцах и ломота в пояснице, от которой не спасали обезболивающие. А если прибавить к тому тошноту и холодный пот, то картина и правда вырисовывалась безрадостная.

– Симптомы – это следствие, пока мы тут с ним возимся, причина его уничтожает. Нужно зреть в корень, да только где он, я пока не знаю. Может, яд. Но кому в голову придет травить моряка, да еще и уволенного в запас? У него же ранение было на войне, на службу ему в ближайшее время вернуться не светит. Да и что это за яд такой? Чувствую, что-то мы упускаем. Крутится в голове, на самом кончике сознания, а все никак поймать не могу. Подумать мне нужно в тишине...

– Так езжай домой, я тебя прикрою.

Но Георгий только рукой махнул: стыдно бросать пациента. Да и Старокузнецк – город маленький, все равно кто-нибудь да прознает, что он дома, да тут же явится. Он ведь за дни болезни Максима к себе возвращался только рубашку сменить, и то прискакала Сечина-Ледянская. В ноги бросалась, умоляла быть с ней ласковым «в последний раз»... Будто первый был. Насилу отбился.

– Ну, нет так нет, тогда вот тебе, Енюша, ключ от моего кабинета. Закройся там да обмозгуй все как следует, а я пока приму удар на себя.

С этими словами Андрей направился к родственникам больного, отвлекая их внимание и давая Георгию возможность незаметно улизнуть.

Однако достигнуть спасительного кабинета главврача Георгию Родину было не суждено. В темной приемной его буквально к стенке приперла медсестра Анюта: девчушка из деревенских, бойкая, смышленная и феноменально настойчивая. Она сразу перешла к сути дела.

– Я вас люблю! Георгий Иванович, вы для меня все! Вы мой герой, мой свет в окне. Пошто вам эта Поинка, она же бесцветная и такая старая! Она любит только свои тычинки и пестики! А я молодая, я для вас на все готова.

Ее жаркий шепот приятно ласкал слух мужчины, да и молоденькое тело, так тесно прижимавшееся к нему, было по-своему желанным... Но к чему ему девчонка, почти ребен-

нок? Пусть заводная, пусть жизнерадостная и влюбленная, но глупенькая той особой глупостью, которая происходит от отсутствия опыта и которую не исправить никакими книгами, а только прожитыми годами.

– Поцелуйте меня, Георгий Иванович, поцелуйте, как никого не целовали... А то я отравлюсь. Я не могу жить... зная, что вам не нужна...

Анюта запрокинула голову в призывном жесте. Георгий посмотрел в ее васильковые глаза, окинул взглядом милое лицо, курносый носик, веснушки, которые были заметны даже в полумраке, но совсем не портили девушку.

«А, чем черт не шутит: поцелую, может, и отвяжется!»

Он уже готов был коснуться губами ее губ, но неожиданно медсестра прошептала:

– Поцелуй меня и увези на край света! В Индию, где на ночном Ганге светло от погребальных костров... Я взшла бы в огонь любви, чтобы никогда не просыпаться от счастья...

– Индия? – с удивлением отстранил руки девушки от своей груди Родин. – И откуда только у вас, Анюта, мысли такие в голове?!

– Да это из-за больного, – разочарованно попыталась объяснить девушка. Она не понимала, где прокололась, ведь, казалось, поцелуй возлюбленного у нее в кармане. – Он в бреду только Индию и поминает. А больше всего огонь какой-то, который пожирает тело.

– А почему ты назвала его «погребальным»? – прищурившись, с недоверием протянул Родин. Он чувствовал, что разгадка близка.

– Так это папенька их рассказали, что в Индии Максим Витальевич был на сожжении какого-то барина...

– Брамина?

– Да, его самого!

Родин неосторожно отпихнул от себя Анюту, которая снова попыталась приблизиться, и побежал к палате, прихрамывая. Нельзя было терять ни минуты. Его мысли работали так напряженно, что он даже не чувствовал боли в ноге.

– Ну, конечно, погребальные костры. Очищающий огонь. Там, на Востоке. А в Европе жгут заразу!

– Сыпь, ищите сыпь! – закричал Георгий, врываясь в палату. – Да не голыми руками, остолопы! А вы, Виталий Кузьмич, скажите-ка мне, есть ли у вашего сына прививка от оспы?

Растерянный профессор ботаники, сбитый с толку этим вопросом, несколько раз удивленно моргнул.

– Нет. Да и к чему? Он же служил-то у наших берегов. В экзотических портах только проездом бывал. Но изучал, разумеется. Он и индийскую историю любит, и про викингов в Дании, и конкистадоров... Ну и ко всяким нововведениям оспопрививательного комитета относился со смехом, мол, молодой, здоровый, тело в чистоте содержит и...

Родин не стал дослушивать лепет отца семейства.

– Оспа у него! Готовьте примочки, присыпки, пораженные участки на перевязку. А потом льдом обложите, да не как покойничка, а в грелках! Андрей, неси вакцину и успокоительное. Будет жить, голубчик. У доктора Родина так просто Богу душу не отдадут...

Когда суэта улеглась и стало ясно, что пациент непременно поправится и свою долю вакцины всенепременно получит, Георгий построил всех участников медицинской драмы в коридоре.

– Закрываем вас на карантин! Говорил же, нечего вам было нарушать режим работы лечебного учреждения...

– Зачем? – изумилась младшая из сестер Савостьяновых, семнадцатилетняя Юленька. – У нас-то прививки есть, мы же люди образованные...

И тут же, пискнув, притихла под суровым взглядом отца.

– Что правда, то правда, Георгий Иванович: мы всей семьей в первой же волне привитых были, только сына не смог вразумить. Голова горячая, сами же знаете, как оно бывает: разве кто из мальчишек отцов-то слушает?

– Плохо, значит, объясняли, – сурово отозвался Родин, потрясая блокнотом. Ему было жаль своего бывшего учителя: человек немолодой, такой стресс перенес. Но иногда нужно быть даже жестоким, чтобы люди осознали свои ошибки. Где ж это видано, чтобы у детей профессора, который медикам лекции читает и сам народ просвещает, такая тьма в голове была?! – Не могли слов найти подходящих, так дали бы почитать замечательного писателя-медика Святловского. Он в своих статьях все по полочкам разложил. Вот он пишет: «В Англии, где введены обязательные вакцинации и ревакцинация, умирает в среднем за год от этой болезни один, самое большое – двенадцать человек. Заметим – это во всей Англии; в Австрии же, не имеющей обязательного закона, в самые лучшие годы умирает от оспы не менее пяти тысяч человек за год. В одной Вене или у нас в Варшаве умирает от оспы ежегодно более, чем в целой Англии или даже в целой Германии».

Увидев, какой сильный эффект слова произвели на слушателей, оратор сменил гнев на милость.

– Ну да ладно. Пора нам всем отдохнуть. Максим ваш в надежных руках. Сейчас ему просто нужен покой и время на излечение. А нам всем необходимо поспать, считайте это моим врачебным назначением.

Уже возле коляски, которая должна была доставить семейство Савостьяновых домой, Родин увидел Юленьку. Девушка посмотрела на него влажными от слез благодарности глазами и сказала:

– Георгий, вы... вы такой... Самый лучший!

Она потянулась к нему губами, но подарила лишь целомудренный поцелуй в щеку. А потом ловко прыгнула в коляску.

* * *

Сконфуженный и обескураженный, Георгий Родин вернулся в больницу и отправился к изнуренному вирусом *variola vera* пациенту.

Здоровенный, атлетически сложенный Максим, даже скрючившись в три погибели, занимал собой всю койку и все равно свешивался с нее по бокам. На его оголившемся левом предплечье Родин заметил сизую наколку – парящая над волнами ласточка с глупым выражением и выпученными глазками. От беспокойных шевелений смуглого крепыша на чисто надраенный больничный пол то и дело плюхались резиновые грелки со льдом, а массивная голова больного со всклоченными золотисто-пшеничными вихрами никак не могла найти себе подходящее место на горячей от его же собственного жара подушке. Родин молча перевернул подушку на другую сторону, поймав благодарный взгляд больного, затем решительно пододвинул стул и уселся напротив койки, намереваясь приступить к обстоятельному докладу о пользе оспопрививания. Однако не успел – храбрый мичман неожиданно разразился замысловатой тирадой, в которой упоминались самые разнообразные корабельные снасти, бешеные девятибалльные шторма и один нерадивый боцман. Максим поднял ясные глаза на Георгия и резюмировал:

– Пришвартуй мой дырявый дреднот, якорь мне в глотку! Что это было, господин доктор? Что за экзотическая лихорадка меня подкосила?

– Это, голубчик, оспа самая что ни на есть заурядная. Но вы не тревожьтесь, мы уже назначили надобное лечение, и в скором времени бывалый морской волк сможет вернуться на шканцы, хвост грот-мачтой, нос по розе ветров, – Георгий тоже попытался вплести в речь моряцкие прибаутки, которые слышал у матросов, когда плыл в Африку.

– Благодарю! Я и впрямь себя чувствую гораздо лучше. А ведь мне в последнее время, признаться, не очень везет. То какие-то польские хулиганы ногу покалечили, то взрыв мелинитовый случился...

Услышав про поляков, Родин насторожился. И тут они!

– А позвольте полюбопытствовать, что за поляки? И что они делали в Индии?

В глазах цвета чистого неба заплясали озорные огоньки, Максим огладил свои пышные усы и поведал:

– Дело было в Бомбее. Времени у меня было полно, раны уже не тревожили. Наша посудина отправлялась в Россию поздно вечером, и я отправился погулять. Совершал я променады по тамошнему порту, любовался видами Аравийского моря, наслаждался бризом... Затем отведал местного вина в одном из самых приличных с виду заведений и уже направился в сторону своего судна, как вдруг услышал женский визг. Между тем сумерки сгущались, но, заметьте, народу на улицах больше не становилось. Скорее, знаете ли, наоборот: как этот крик раздался, все в момент куда-то попрятались, как будто у них сиеста. Но я не мог не посмотреть, в чем дело, и побежал на звук, а там такая картина – два белобрысых великана волокли куда-то изящную красотку. Очевидно, против ее воли. Она кусалась, царапалась... Такая маленькая, а такая сильная! И все же эта пташка их, конечно, ни за что бы в одиночку не одолела. Еще помню, позади этих громил тень какая-то черная маячила – то ли пудель, то ли карлик, я поначалу не рассмотрел, к тому моменту уже совсем ночь наступила... Поглядел я на это беззаконие, выдернул ремень из своих штормовых клешей и с пряжкой кинулся на абордаж. Вломил златовласкам по самую ватерлинию...

– Почему златовласки? – не понял доктор.

– Ну не знаю, не то рыжие, не то белые – ответил Максим, поправляя грелку. – Впрочем, кем бы они ни были, все равно улеглись в рядок, нос к носу... Я отряхнулся, огляделся, не желает ли кто-нибудь еще со мной якорями сцепиться, смотрю – а девушка все еще здесь. Стоит скромно в сторонке, глаза как два блюдечка, красавица, каких мне давно не доводилось видеть. Признаться, я немного затрепетал и даже подумал представиться и проводить ее до дома. Но в тот же миг ощутил адское жжение в бедре, будто гигантская медуза ужалила. Этот пудель, которого я за громилами не разглядел, оказался вовсе не пуделем, а каким-то карлой или, может, ребенком – под балахоном было не видно.

– Может, монах? – Родин увлеченно внимал, даже трубку взял в руки, но забыл раскурить, так ему стало любопытно, чем дело кончилось.

– Зачем монах? Он был не в рясе, а в балахоне вроде походного, такой черный, с глухим капюшоном. Вот этот кроха и пырнул меня ножом куда достал, а именно – в бедро. Ваш покорный слуга опал как дырявый парус, а он меня ррраз... – Максим подскочил на койке и гневно трахнул кулаком по подушке, – кастетом по затылку! Искры из глаз посыпались, как звездопад, и – темнота... Пока опамятовался, их и след простыл. Ни девушки, ни карлика, ни его белобрысых штурманов. Только голова гудит, как рында, и крови из бедра натекла целая лужа...

Увлекательнейший рассказ отважного мичмана прервался неожиданным и весьма противным визгом, раздавшимся из коридора. По всей вероятности, медсестра уронила поднос со склянками или какая-нибудь грузная пациентка поскользнулась на влажном после дневной уборки полу. Но на всякий случай Георгий выглянул из палаты, и его взору предстала весьма комичная картина.

Растрепанный после прописанных ему пиявок Торопков с пунцовым от негодования лицом изловил за шкуру и взял в тиски извивающегося, как бешеный червяк, журналиста Рабинова. Этого пронырливого писаку Родин хорошо запомнил по первому знакомству, когда на того пало подозрение в покушении на лорда Мак-Роберта – светило британской науки. Последний из-за своей инвалидности передвигался на самоходной коляске и в тот

памятный вечер был вероломно сброшен с крутой лестницы. Рабинов же намеревался развиться сенсационной статьей об этом неприятном со всех сторон инциденте, но обстоятельства сложились для него не самым благоприятным образом: он угодил в жандармское управление, где провел несколько запоминающихся дней. Судя по набухшим жилам на бугристой голове старшего полицейского надзирателя сыскного отделения, удача и в этот раз отвернулась от представителя избранного народа...

– Господа, давайте успокоимся! – воскликнул Родин. – В чем, собственно говоря, суть конфликта?

Торопков отпустил ворот рабиновского сюртука и, сердито уткнув ему палец в грудь, выпалил, обращаясь к Георгию: – Проклятый прощельга подслушивал у двери с блокнотом!

– Это же сенсационный материал! – пискнул саратовский щелкопер, нахолившись. – Бесстрашный мичман спасает индийскую красотку! А вообще, я собирался взять интервью у глубокоуважаемого Максима Савостьянова на предмет взрыва. Даже заголовок уже сочинил: «Очередной провал романовской военщины», испытания мелинитовых снарядов привели к чудовищной катастрофе, и так далее, и так далее. Но заслушался его рассказом о карлике и понял, что не о том писать-то надо. Вот она, настоящая сенсация! Да за такое редактор меня на руках носить будет и, может статься, даже за границу пошлет, в ту же Индию... И вообще, господин полицейский сам подслушивал, вот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.